

Павел Фирсанов

Ливийский
ЛОХОТРОН

Павел Фирсанов

Ливийский лохотрон

«Издательские решения»

Фирсанов П.

Ливийский лохотрон / П. Фирсанов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-831052-2

Основные действия книги происходят в период арабской весны в Ливии в 2011—2014 гг. Автору волей судьбы пришлось на себе испытать все, что происходило в это время. Это и участие в настоящем противоздушном бою с самолетами Западной коалиции и США, и захват в плен, нахождение в неволе долгое время, суд и освобождение. О том, как меняются люди в период смертельной опасности.

ISBN 978-5-44-831052-2

© Фирсанов П.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Ливийский лохотрон	7
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Ливийский лохотрон

Павел Фирсанов

© Павел Фирсанов, 2016

ISBN 978-5-4483-1052-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

Эта книга автобиографична. Она о том, как автору пришлось на себе испытать все прелести пребывания в арабском плену. О том, как пришлось поучаствовать в настоящем противоздушном бою. По настоящему узнать, как ведет себя человек в минуты смертельной опасности и как предадут лучшие друзья и люди, с которыми съел не один пуд соли.

Действие происходит в Ливии в период цветной революции 2011 года и после нее.

Автор – бывший офицер войск противовоздушной обороны, ветеран вооруженных сил. Прослужил в войсках более 25 лет. Большую часть службы прослужил во времена Советского Союза, остальную часть в вооруженных силах Украины. Волей судьбы был свидетелем и частично участником катастрофы над Черным морем в октябре 2001 года, когда был сбит российский лайнер Ту-154. Об этом тоже упоминается в этой книге.

В настоящее время автор проживает в Крыму, в городе русской славы, городе-герое Севастополе.

Этот город пережил три обороны в своей истории. Первая оборона – это период Крымской войны 1853—1856 гг. Первая героическая оборона Севастополя началась 13 сентября 1854 г. и продолжалась 349 дней.

Вторая оборона Севастополя Оборона Севастополя и битва за Крым проходила в 1941—1942 годах в период Великой Отечественной войны.

Третья оборона Севастополя – это февраль 2014 года в период государственного переворота на Украине, когда весь город поднялся на защиту родного города от попытки неонацистского сброды захватить город. Об этом тоже есть упоминание в этой книге.

Ливийский лохотрон

*«Когда тебя предали, это все равно, что руки сломаны.
Простить можно, но вот обнять уже не получается».*

Л. Н. Толстой

Ранним летним утром 15 июля 2011 года заиграла на моем мобильном телефоне «Синева». Эта мелодия была установлена у меня тогда на номера моих друзей, с которыми меня связала в свое время армейская служба. Звонит мне мой друг и старший товарищ Бычков Сергей Анатольевич.

С этим человеком впервые меня связала судьба в далеком 1978 году. В мае этого года я, курсант последнего курса Энгельсского Высшего Зенитного Ракетного Командного Училища противовоздушной обороны страны прибыл на войсковую стажировку, на группу зенитных ракетных дивизионов С-200 в город Севастополь. Сергей, уже, будучи старшим лейтенантом и начальником отделения, стал моим наставником в освоении специальности инженера по эксплуатации техники ПВО. После месячной стажировки наши пути разошлись. И разошлись они на целых 18 лет. Второй раз судьба нас свела в 1996 году. Я отслужил в армии уже определенное количество лет и прибыл в Севастополь для дальнейшего прохождения службы. Сергей к тому времени уже закончил свою воинскую службу и работал гражданским служащим в той же самой воинской части. При встрече я напомнил о себе, он меня вспомнил, и мы еще некоторое время общались с ним по служебным делам, иногда вспоминая мою стажировку и тех людей, которые окружали нас тогда и которые стали для нас общими знакомыми. Потом наши пути опять разошлись лет на десять. Я вышел в отставку и отошел от военной службы, Сергей тоже уволился и жил своей жизнью. Каждый из нас, где то работал, чем то занимался и пути наши не пересекались до октября 2009 года.

В Северной Африке была такая замечательная страна Ливия, точнее Великая Социалистическая Народная Ливийская Арабская Джамахирия. Для нас Европейцев, особенно россиян, украинцев, белорусов, болгар это была своего рода золотая жила. Место, где можно было хорошо заработать, одновременно отдохнуть на средиземноморском побережье.

Один из центральных районов Триполи. Ливия. 2010 год. Фото автора.

Средиземноморское побережье Ливии. «Чешский» пляж. Ливия. Триполи. 2010 год. Фото автора.

Сами ливийцы особо трудом себя не утруждали. Большинство рабочих мест занималось, как правило, иностранцами. Украинские и болгарские врачи и медсестры, строительство железной дороги – россияне, строительство домов – корейцы и китайцы, военные ремонтные заводы, инструктора военных специальностей – белорусы, украинцы, китайцы. Хлеб пекут египтяне, кухня – тунисцы, бангладешцы. Строительство мечетей, отделочные работы – пакистанцы и другие, все, как правило, мусульмане. Сами ливийцы завидовали саудитам и эмиратовцам и ждали того времени когда на них спадет манна небесная и за счет своей нефти они будут жить как в раю, а работать на них будут «неверные».

Средиземноморское побережье Ливии в районе г. Триполи. 2010 год. Фото автора.

Ливия имеет около 2 тыс. км морского побережья, с прекрасным средиземноморским климатом. Ни одна из африканских, да наверняка и остальных в мире стран, не имеет такого великолепного побережья. За 40 лет своего правления, Каддафи только в последние лет пять, начал уделять большое внимание вопросам строительства и развития страны в плане туризма и социальной сферы. В Триполи шло большое строительство, одновременно строили сразу целыми микрорайонами. Все это я успел заметить, когда весь 2010 год провел в Ливии. Судьба опять, уже в третий раз свела меня с Сергеем Бычковым. Осенью 2009 года, он нашел меня через общих знакомых и предложил мне поехать с ним в эту загадочную для меня страну. Там мы вместе прожили и проработали по контракту вместе с ним целый год.

Сейчас, по истечению всех событий, которые выпали на нашу долю, мне кажется, что судьба специально сводила меня с этим человеком, чтобы научить чему-то очень для меня

важному. Этот, незабываемый и насыщенный событиями для меня год, нашего совместного пребывания в Ливии пролетел очень быстро. У нас появилось тогда множество друзей, которые также как и мы пытались заработать деньги, которых дома, в тогда еще Украине, мы никогда бы не заработали. Нас объединял одинаковый для всех быт и свободное время. И вот что удивительно. В стране с сухим законом наши соотечественники умудрялись употреблять спиртное на порядок больше, чем у себя на родине. Большинство, как правило, гнали самогон. По-арабски – «боха». Искусству изготавливать самогонный аппарат (джигаз) и потом, с помощью него гнать огненную воду, нашим соотечественникам не было равных. На эту тему даже слагали стихи и песни, точней переделывали известные шлягеры на новый лад. Вот, к примеру, одна из них:

*Мы африканский
гоним самогончик, раз в две недели
ставим с брагою бидончик. И вот с утра и до утра
в змеевике журчит вода
и охлаждает
самый первый перегончик. Не надо пива и вина, а лишь
компания нужна; Милее сердцу*

*африканский самогончик
Мы африканский гоним самогончик. Уже на выходе
повторный перегончик; Ванильный сахар и мускат, коры
дубовой концентрат
и подставляй скорей
заветный свой флакончик. Не надо пива и вина, а лишь
компания нужна; Милее сердцу нам Сергегин самогончик.*

Короче говоря, для многих из нас такая смена обыденной жизни была своеобразным допингом, как будто судьба дает тебе шанс на время окунуться в годы своей юности, чтобы вновь испытать давно забытые моменты жизни.

Есть такой фильм «Русский перевод», по одной из книг Андрея Константинова, автора знаменитой серии «Бандитский Петербург». Там действие происходит в Ливии во времена Советского Союза. Так вот там один герой сказал, что-то вроде этого: « Тот, кто не спился в Ливии, не сопьется никогда». Подтверждение этому я увидел среди нашего брата в Ливии. Об этом можно ещё много чего рассказать, много всяких моментов случалось, но лучше я буду их вставлять по ходу повествования.

Но вернемся к 15 июня 2011 года к звонку Сергея Бычкова. Это судьба в четвертый раз сводит меня с ним. И предлагает мне мой друг Серега снова рвануть в Ливию. На этот раз, почему-то в качестве работника сервисной российско-ливийской нефтяной компании. Ранее мы были там по контракту в качестве инженеров-консультантов по обучению военного персонала систем ПВО Ливии. По правде сказать, вариант работы в нефтяной сфере, меня ничуть, не удивил. Когда мы были там, то посещали место работы одного из товарищей Сергея, Вячеслава Качуры. Он работал автомехаником в ремонтной мастерской, которая принадлежала, как раз такой вот, сервисной нефтяной компании. Называлась она «Тат-Нефть». Это, как я понял, был филиал российской компании из Татарстана. Офис компании находился в Триполи.

Площадка с оборудованием для нефтеразведки. Триполи. Ливия. 2010 год. Фото автора.

Не знаю, был ли этот филиал совместным российско-ливийским, скорее всего, был. Ремонтная мастерская находилась на площадке, где располагалась техника нефтяников. Там работали российские представители «Тат-Нефти», с которыми мы познакомились во время одного из посещений. Они обслуживали оборудование нефтяной геологоразведки, получали хорошую зарплату, и мы, естественно, вели с ними различные разговоры, в том числе о том, можно ли устроиться к ним на работу в будущем, когда закончим свои контракты. Нам ответили, что проблем в принципе нет, надо просто обратиться к руководству фирмы и устроиться на работу.

Именно поэтому, предложение Сергея не вызвало у меня особого удивления. Не скрою, некоторые сомнения все-таки были. Имея в доме интернет, невольно следишь за событиями в стране, где когда-то проработал несколько месяцев. Конечно, я уже тогда знал, что в Ливии не все в порядке, что 17 февраля 2011 года в Бенгази случилась революция, что оппозиционные силы выступили против правительства. Но полковник Каддафи еще жив, правительственные войска не предали своего лидера, и подавить это «безобразие», дело нескольких недель. То, что уже введена без полётная зона, авиация коалиции разрушила практически все объекты ПВО, казалось мне незначительным событием. Поскольку эта самая ПВО Ливийской Джамахирии существовала только теоретически. Да и ехать предлагалось в Триполи, где шла обычная размеренная жизнь, работали магазины, банки. Оппозиция и раньше шалила в Бенгази, на протяжении 40 летнего существования Джамахирии (Власти Народа). Оставались у нас там и знакомые по первому нашему пребыванию. Наши знакомые медики сообщали нам о том, что нет особого повода беспокоиться. «Бычок», так за глаза звали Сергея Бычкова наши товарищи по работе, сообщил мне, что информация о поездке в Ливию пришла от нашего общего знакомого Шадрова Александра Федоровича.

По его словам, кроме нефтяных дел, нам может быть, придется, ну самую малость, оказать кое-какие услуги по нашей военной специальности, ну там проконсультировать, подсказать их воякам что-нибудь, ну совсем незначительное. А главное, конечно, работа по обслуживанию нефтяного оборудования. В стране неспокойно, все наши специалисты нефтяной сферы уехали на родину, законсервированные нефтяные скважины требуют периодического обслуживания, иначе они придут в негодность, поэтому мы временно будем их поддерживать до приезда основных специалистов. Так говорил Александр Шадров, бывший работник совместной российско-ливийской нефтяной компании «Тат-Нефть». Все дело в том, что он действительно несколько лет работал в этой компании, после того, как его выперли из фирмы доктора Халида, которая занималась ремонтом техники ПВО и подготовкой ливийских специалистов. Об этой фирме разговор особый. Я лично в ней не работал, но много о ней слышан от тех ребят, которым пришлось в ней работать. Именно с этими людьми мне в дальнейшем пришлось испытать все те приключения, о которых я буду описывать дальше.

Александр Шадров был в те времена известной личностью. Будучи офицером войск ПВО при Советском Союзе, он преподавал в Одессе в военном училище, где обучались ливийские офицеры. Многих, кто впоследствии стал офицерами ливийских сил ПВО, Шадров знал лично, естественно многие знали его. После развала Союза и уволившись из армии, у Шадрова уже сложились некоторые связи с ливийскими военными.

Используя свои связи с ливийцами, Шадрову не составило особого труда где-то в 1999 -2000 году перебраться в Ливию и устроится на фирму доктора Халида. Доктором его называли за то, что его основная специальность была – врач-гинеколог. Как он стал бизнесменом и возглавил фирму, я не знаю, знаю только, что кто-то из родственников был у него толи в правительстве, толи в военном ведомстве.

Устроившись в фирму Халида сначала рядовым работником, Шадров, авантюрист по натуре, развил бурную деятельность. По рассказам тех, кто работал с ним в то время, а таких было не мало, именно Шадров предложил Халиду не выдавать людям всю зарплату полностью, а лишь ее малую часть. В Ливии, как правило, рабочий день начинался в восемь утра и заканчивался в 13—14 часов. Так служат все офицеры вооруженных сил, так работают все учреждения, банки и офисы. Шадров убеждает Халида продлить рабочий день наших рабочих на фирме до шестнадцати-семнадцати часов, за ту же самую зарплату. Аргументы были следующие: чтобы поменьше пили, болтались по стране. Для Халида это был подарок судьбы, конечно же, он сразу же выполнил предложения Александра Федоровича. Народ пытался роптать, но и тут Шадров внес свою лепту. Он сдает зачинщиков бунта, тех наказывают динаром, Шадров получает должность заместителя доктора Халида и становится уже начальником для остальных. Проводит ряд афер и обводит всех вокруг пальца. Убеждает руководство фирмы в необходимости приобрести антикислотные костюмы и противогазы для заправщиков ракетного топлива. Выделяется круглая сумма американских денег. Контейнер со снаряжением «пропадает» где-то в Одесском порту. Шадров выходит сухим из воды. Про этого человека многие могут рассказать массу интересных вещей, это лишь маленький штрих к его портрету. Авантюрный характер этого человека не мог не привести к печальным последствиям. Обманывать и подставлять людей это его хобби. Попались и мы на его удочку.

У Халида Шадров проработал лет восемь, потом он все-таки на чем-то попался и наконец- то его выгнали. Некоторые из его знакомых арабов, порвали с ним все отношения и испытывали к нему «особые чувства». А некоторые командиры воинских частей, приказали не пускать его на территорию своих воинских частей и категорически отказывались с ним встречаться.

Но он недолго был без работы. Каким-то образом он устроился завхозом на нефтяную фирму. И снова нашел себя. Закупать для фирмы рабочее обмундирование и всякую всячину для фирмы, это то, что надо для такого человека, как Александр Федорович Шадров.

Но вернемся к июню 2011 года.

Несколько успокоило меня еще и то, что Шадров едет в Ливию с сыном и дочерью.

Сын-Максим, тридцати лет, своими повадками и фигурой очень похожий на отца, много времени провел в Ливии, учился там, в русской школе при посольстве. Неплохо знает арабский, по словам людей, хорошо его знавших не один год, этот паренек не брезговал залезть в чужой карман, неоднократно попадался на воровстве, такой же авантюрист, как и его папаша, отличился он и в курении травы, и в употреблении более серьезных вещей.

Дочь Даша. Чуть более двадцати лет, тинэйджер-переросток, впитавший в себя все прелести современной жизни: «... курили таба-табак, употребляли абсент, и кое-что, кстати, тоже могли...». Та еще семейка показала себя во всей красе в наших ливийских зловключениях.

Ну, если человек едет вместе с семьей, думал я, значит, риск минимален и можно особо не рискуя, поехать немного заработать. Тем более что срок поездки ограничивался одним-двумя месяцами. Да и не меня одного, таким образом, сагитировали на эту, как потом оказалось авантюру. Уговорили и Александра Дробязко, тоже жителя Севастополя, служившего в одной воинской части со мной, но на несколько лет раньше. Он, как и я, бывший офицер войск ПВО, побывал во времена Союза в Сирии и, вместе с Бычковым, несколько лет, проработал в Ливии в фирме доктора Халида.

Никаких особых документов готовить не нужно было, нужен был лишь загранпаспорт, даже виза не понадобилась, что должно было бы тоже насторожить. Как это, ехать в страну без визы? Раньше, перед моим первым выездом в Ливию, мне пришлось затратить более месяца на оформление документов. Нужен был перевод на арабский язык первой страницы загранпаспорта, ждать въездной визы на работу по контракту, нужно было посетить ливийское посольство в Киеве и получить разрешение на въезд. Из Ливии должно было прийти приглашение на работу от Ливийской фирмы.

Это законный путь отъезда. Таким путем мы оформлялись с Сергеем Бычковым в конце 2009 года. В наших с ним паспортах имелись все отметки и штампы. Но, оказывается те, кто выезжал в Ливию на работу за пять – восемь лет до нас для работы на фирме доктора Халида, не оформляли никаких документов и прибывали в эту африканскую страну инкогнито. Они летели либо в Тунис, либо на Мальту, там их принимала служба безопасности Ливии и, без оформления каких либо документов, доставляла на места работы.

В паспортах этих людей не было никаких отметок, ни виз, кроме штампа о выезде из Украины. О том, что они были в Ливии, не было никаких отметок. Далее будущие работники подписывали контракт с фирмой доктора Халида и распределялись по местам работ. Второй экземпляр контракта на руки, почему-то не выдавался. Как и оговоренная в контракте их заработная плата. Поначалу, она, конечно, выдавалась, но до определенного момента, пока в это дело не вмешался Александр Федорович Шадров.

По контракту, эти хабиры, что в переводе с арабского языка означает специалисты, должны были получать в среднем 1200 долларов США в месяц. Реально же люди получали по 100 долларов в месяц. Остальную, накопившуюся сумму обещали выдавать при убытии в отпуск, или по окончании контракта. На момент убытия в отпуск, в который надо было еще умудриться уйти, приложив определенные усилия, конечная сумма, как правило, не выдавалась. В лучшем случае выдавалась треть, а то и вовсе ничего не выдавалось. Почти за год до известных событий 17 февраля, фирма Халида вообще отказалась выплачивать людям их деньги, даже те мизерные 100 долларов. Кто-то плюнул на все и уехал на родину, кто-то продолжал верить, что Халид, выплатит им хоть часть долгов и оставался в Ливии, и даже ходил на работу. В итоге, лишь единицы получили часть своих долгов, остальные остались не с чем. У отдельных наших работников долги составили от 5 до 28 тысяч долларов. Таких, несчастных набиралось довольно много, и в карманах, верней на счетах доктора Халида, оседала приличная сумма, исчисляемая шестью нулями на конце. Кроме того, Халид получал львиную долю

от выполнения военных заказов и выполненных работ по ремонту военной техники, и суммы эти, тоже были не малыми. Плюс к этому, проценты за хранение и оборот этих средств в банках. И чем больше этих средств было у Халида, тем больше он наглед.

Отчасти, многие из тех, кто откликнулся на призыв Шадрова поработать в Ливии в 2011 году, рассчитывали вернуть свои честно заработанные доллары, которые задолжал им Халид. Причем, именно Шадров обещал им возвращение долгов, обосновывая это тем, что один из бывших руководителей командования ПВО Ливии, который во времена их пребывания у Халида, курировал все работы фирмы Халида и лично обещал ему это. А куратором этим был полковник Мухаммед Рахис, который в те времена занимал одну из должностей в управлении технического обеспечения противовоздушной обороны Ливии. Во время моего пребывания в Ливии в 2010 году я встречал этого человека только один раз, его показал мне Бычков во время проведения боевых стрельб в окрестностях города Злытань с места постоянной дислокации одной из зенитно-ракетных бригад системы С-200.

Полковник Ливийских ПВО Мухаммед Рахис на боевых стрельбах. Ливия. г. Злытань. Апрель 2010 год. Фото автора.

Стрельбы проводили действующие офицеры войск ПВО республики Беларусь. Почему именно они? Год назад ливийцы сами решили провести ракетные стрельбы, однако, не имея навыков в работе со сложной боевой техникой, а «учиться военному делу настоящим образом» они не особо стремились, у них, естественно ничего не получилось. Виновными они себя, ни в каких случаях, где принимают участие иностранцы, как правило, не считают. Ливийское руководство ПВО предъявило претензии к белорусской фирме, осуществлявшей обслуживающие и ремонт зенитно-ракетного комплекса.

Белорусы быстренько самолетом привезли действующий расчет зенитно-ракетного дивизиона, за три дня настроили комплекс и провели успешные стрельбы.

Боевые стрельбы зенитно-ракетной бригады. Апрель 2010 год. Триполи. Ливия. Фото автора.

Полковник Мухаммед Рахис присутствовал на этих стрельбах в качестве чиновника управления. От некоторых ребят я не раз слышал эту фамилию, только его, толи в шутку, то ли по незнанию, называли кто Архаисом, а кто даже, в шутку – Арахисом. Его правильную фамилию я узнал позже, уже в 2012 году из приговора суда.

Прикинув все за и против поездки в Ливию, я, как и четырнадцать таких же, как и я наивных «хабиров» принимаем решение ехать. Ночь перед отъездом получилась бессонной, что-то внутри подсказывало мне, что это опасная затея, что все может закончиться печально. Но, тем не менее, я все же решился. Внутреннее чутье подсказывало: что-то должно случиться, поэтому из вещей с собой было взято минимум: пара сменного белья и какая-то мелочь, из документов только загранпаспорт. Все уместилось в небольшом походном рюкзаке. Бычков и Саня Дробязко тащили с собой огромные чемоданы на колесиках, ноутбуки, Бычков еще и хороший профессиональный фотоаппарат, водительские права, даже утюг. Они тогда подтрунивали над моей экипировкой, а я говорил им, что, как бы, не пришлось уносить ноги, и мой рюкзачок будет мне как нельзя кстати. Они, конечно, посмеялись надо мной, но все вышло как раз так, как я и предсказывал.

16 июня 2011 года в предварительной кассе берем билеты на поезд до Киева, и 17 июня в 13.20 местного времени садимся в поезд. Наши родные проводили нас до самого отправления поезда. Глядя в окно вагона на удаляющихся родственников, снова ощущаю чувство тоски и тревоги, ощущения чего-то страшного впереди, но друзья достают из своих сумок водку, закуску, весь обычный джентльменский набор. После первой остановки тревога как-то сама собой растаяла, пошли разговоры, затем и вторая бутылка опустела, а тут уже и вечер и ночь подошла.

Что интересно, у меня и Бычкова на руках не было загранпаспортов. Они остались от прошлой нашей поездки в Туркменистан, в офисе фирмы «УкрОборонСервис». Дело в том, что в декабре 2010 года мы с Сергеем вернулись из командировки в Туркменистан, где занимались ремонтом военной техники туркменских ПВО. На следующий год планировался большой контракт в ту же страну, продолжительностью около года, поэтому свои паспорта мы оставили в офисе компании. С большим трудом удалось договориться, чтобы нам на вокзал подвезли наши паспорта, пришлось немного поволноваться, что вдруг не подвезут. Но все случилось, паспорта нам привезли, и мы отправились в аэропорт. Знать бы тогда, что с нами произойдет, молились бы, чтобы паспорта не подвезли. Может быть снова, чей-то ангел-хранитель давал нам шанс не ехать в Африку, и снова мы его не использовали.

До полудня, я, Саня и Серега были уже в аэропорту «Борисполь». Через полчаса-час начали прибывать наши товарищи из Одессы, Харькова, Полтавы, один прибыл из города Энгельса, Саратовской области. Энгельс это моя родина, там я родился, ходил в школу, получил военное образование. Прибыл из Одессы наш босс Александр Шадров с сыном и дочерью. По их внешнему виду и поведению можно было сделать вывод, что они собрались на заграничный курорт. От сердца несколько отлегло, если шеф едет с детьми, не все так страшно, как думается. Народ тоже вел себя как-то спокойно, даже весело, все шутили и подкалывали друг друга.

Собрали паспорта, сдали шефу, разбрелись по аэровокзалу, ждем. Хочется отметить одно событие, которое произошло со мной и еще двумя товарищами во время этого ожидания. Вроде бы ничего особенного, но все же. Сидим на чемоданах недалеко от входа в зал ожидания. Подходит к нам старушка-божий одуванчик и говорит, что нас вскоре ждет тяжелое испытание, просит купить у нее брошюрку-молитвенник, с «Отче-наш», «Спаси и сохрани» и еще что-то в этом роде. Мы их, конечно, приобрели, дали бабушке еще сверх той суммы, что она просила за молитвенники, и попросили ее помолиться за нас церкви. Не знаю, совпадение это или нет, но вот такой факт с нами, имел место быть. Может действительно, чей-то ангел-хранитель, таким образом, пытался отвести нас от этого пути. В ангела-хранителя можно верить, можно не верить, а я после одного случая, почему то стал в него верить.

Октябрь 2001 год. Крым. Феодосия. Мыс Опук. Военный полигон ПВО Украины. Я командирован в помощь зенитно-ракетному дивизиону С-200 Васильковской бригады ПВО для выполнения боевых стрельб. Моя задача, с помощью автоматической контрольно-испытательной передвижной станции провести диагностику двух зенитных ракет, настроить головки самонаведения и радиовзрыватели, подготовить их стрельбе. Обе ракеты полностью прошли диагностику и получили «добро» на стрельбу. В 17 часов их везут за 40 км на стартовую позицию и начинают проводить контроль на пусковой установке. И, удивительное дело: одна из ракет «не хочет» проходить окончательный контроль. Второй, раз, третий, не проходит. Непослушную ракету везут обратно ко мне на станцию в час ночи. Подключаемся, проводим диагностику, все идет как надо. Печатаем контрольный чек проверки и возвращаем ракету на стартовую позицию уже под утро. Заряжают ракету на пусковую установку, проводят предстартовый контроль снова, все о'кей. Через четыре часа именно эту ракету пускают по мишени и..., сбивают ТУ-154 над Черным морем. Чей-то ангел-хранитель кого-то из пассажиров этого самолета, прикладывая свои усилия, чтобы эта ракета не стартовала, но человеческую тупость и самоуверенность этот ангел-хранитель преодолеть не смог и произошла трагедия.

Зенитная ракета комплекса С-200, такая и поразила гражданский лайнер Ту-154 над Черным морем в октябре 2001 года. Стреляла киевская бригада из г. Васильков. Фото автора.

Я иногда думаю, может то, что случилось со мной в Ливии, плата за то, что я хоть и косвенно, но оказался причастен к гибели этого лайнера. Конечно, пускал ее не я, и даже спорил с начальством, что нельзя пускать ракету без самоликвидатора и малой зоной запрета для полетов. Виню себя в том, что не настоял на своем, хотя ко мне, особо никто не прислушивался. В конце концов, можно было бы, что-нибудь сломать, но не дать провести эту роковую стрельбу.

Но вернемся в аэропорт. Через пару часов нам роздали билеты на самолет и путевки в пансионат в один из курортов Туниса. Причем билеты туда и обратно. Обратный билет был через неделю после прибытия. Никто ничего не объясняет, проходим паспортный и таможенный контроль, садимся в Боинг-737 и летим в Тунис.

Вот он африканский континент с высоты 2000 м. Ливия. Триполи. 2010 год. Фото автора.

В аэропорту одного из городов Туниса садимся в туристический автобус с русским гидом и часов около шести совершаем путешествие через весь Тунис на средиземноморский курорт города Махдия. Все было включено, все оплачено. Полупансион на 18 персон, минимум долларов по 600 на брата, итого, кругленькая сумма, была оплачена Шадровым, особо не напрягаясь. Откуда эти деньги никто не задумывался. Отдыхали по полной. Отдельная часть нашей братии попивала водочку, сдвинув шезлонги под пальмами в тесный круг; благо народ позаботился, водка, коньяк, самогон все в изобилии, закусывали, в основном как водится салом. Кто-то наслаждался средиземноморским климатом, купался, загорал, участвовал во всевозможных увеселительных шоу, каждому, как говорится, свое.

Пять суток, из положенных по путевке семи, пролетели как один день. На шестые сутки посадили нас в шикарный автобус и, ничего не объясняя, куда-то повезли. Можно было подумать, что едем мы на какую-то экскурсионную поездку, правда, без экскурсовода. Ехали мы часов, наверное, шесть, не меньше. За окном пейзаж менялся незначительно, оливковые рощи сменялись немногочисленными поселениями в арабском стиле. Почему-то запомнился цвет почвы. Вроде бы песок, как в Ливии, но почему-то какого-то серого цвета. В Ливии почва не такая. Там песок, верней даже не песок, а очень мелкая, похожая на глину субстанция желтого, а порой даже красно-желтого цвета.

Дорога, не плохого качества, машин не особо много. Бензин в Тунисе дорогой, так же как и у нас, по мировым ценам, по доллару за литр. Поэтому и машин не много. Живут тунисцы

не богато, своей нефти, как в Ливии у них нет. Основной доход – оливковое масло. И оно у них отменное. Хотели мы запастись им на обратной дороге, но судьба распорядилась иначе.

По истечению времени пейзаж за окном поменялся. По обеим сторонам дороги появились большие жилые палатки, как потом выяснилось, это были лагеря беженцев. Конечно, мы уже догадались, куда мы направляемся. Впереди тунисско – ливийская граница. Автобус остановился метров за 100 до пограничного пункта «Рас-Джадир», и дальше мы идем пешком. Пограничный контрольно-пропускной пункт и таможня представляет собой небольшое одноэтажное здание, две полосы движения в одну и обратную сторону со шлагбаумами, между ними стеклянная будка с пограничником. Машины по дорогам идут в обе стороны, больше на выезд, чем на въезд. Досмотр поверхностный, багажник, салон, проверка документов, отметка в паспорте и все.

Из Ливии едут семьями, порой с имуществом. Нам приветливо улыбаются, «Украиния, Россия, коис (хорошо)». Паспорта мы отдали Шадрову еще в автобусе, а пока он удалился делать отметку о выезде из Туниса, мы обозреваем окрестности. Заработали ливийские операторы мобильной связи «Мадар» и «Либиана». У некоторых ребят были сим-карты этих операторов, сим-карты после уезда из Ливии, они не выбросили, вот они и пригодились. Позвонили тем, кто оставался в Ливии после начала революции. Саша Дробязко из Севастополя позвонил одному из тех, кто вместе с нами работал в бригаде «Лива Аль-Сумуд», а по-нашему на «Веге». Это был Серега Воробьев, спец по всем специальностям, он остался в Ливии по причине, как мне думается, нежелания расстаться со своей подружкой- Любой, медсестрой одного из многочисленных госпиталей, с которой он жил душа в душу уже лет не менее пяти. Жили они в коттеджном поселке, именуемом «Русский кэмп», где в 2010 году жили и мы с Сергеем Бычковым. Там же проживали до нас, причем, вместе с женами, еще двое наших товарищей по несчастью. Кроме нас, там проживали еще много хабиров, то есть специалистов, из Белоруссии, Украины, России, Болгарии, Индии, Северной Кореи, Вьетнама, Китая, Филиппин и еще каких то стран. Особо меня привлекала и удивляла такая картина, когда маленькие дети разных народов играли вместе на одной площадке. Они что-то кричали друг другу на разных языках, и что удивительно, ведь понимали друг друга, они разговаривали между собой, спорили и находили общий язык. Вот у кого надо поучиться нашим политикам.

«Воробей» отвечает на звонок, говорит, что обстановка в Триполи спокойная, он нашел себе работу, охраняет брошенные дома, получает какие-то деньги, живет со своей Любой, покидать Ливию не собирается. Мы, как бывшие работники спрашиваем про «Вегу». «Серый» говорит, что за месяц до этого, был нанесен удар дронами по позициям обоих дивизионов, полностью выведены из строя антенные посты и станции разведки и обнаружения. Вся оставшаяся техника осталась целой, но без антенн, как без глаз она была бесполезной. Даже ракеты все, как одна были целехоньки, но и они были лишь красивыми игрушками для парадов.

Таким образом, работа крымской четверки специалистов по С-200 однозначно отпадала, значит, думали мы, надобность в нас, как военных специалистов отпала, будем работать по контракту, как нефтяники. Только и этому не суждено было сбыться.

У Шадрова с паспортами происходит какая-то неувязка, прошло более четырех часов, как мы приехали, а его до сих пор нет. Уже начинает смеркаться. Кто-то из наших что-то, где-то услышал, что Шадрову не дают «добро» на выезд из Туниса, и что он, якобы, связывается с посольствами Украины и России с просьбой о помощи. Не знаю, как российское посольство, а украинское дает категорический запрет на въезд в Ливию. Начинается некоторый ажиотаж, встает вопрос о возвращении домой и отказ от поездки. Автобус, который нас привез все еще стоит в 100 метрах от пограничного пункта. Все еще можно вернуть назад, продолжить отдых в том же пансионате, где все оплачено и осталось целых два дня и в наличии билеты на обратный путь. Может у кого-то, и были такие мысли, но мы храбрились друг перед другом, и стыдились в этом признаться.

Судьба давала нам шанс, чей-то ангел-хранитель старался, как мог, но мы в очередной раз не прислушались к своему сердцу и шагнули в неведомый для нас мир ощущений. Но Шадров не был бы Шадровым, если бы не разрулил эту неувязку. Толи он дал взятку кому-то из погранцов, не знаю, но инцидент был улажен, и мы следуем на ливийскую половину КПП, где нас пригласили на таможенный досмотр. Нам возвращают наши паспорта, но держать их в руках нам придется в последний раз. Народ немного заволновался: мусульманская страна с сухим законом, а у некоторых в чемоданах спиртное, сало, свиная колбаса. Досмотр проводят военнослужащие-женщины, все запрещенное, естественно изымается. Но, после коротких переговоров Шадрова с начальством, нам, странным образом, все возвращают. Чем он их убедил, можно только догадываться.

Таможенный досмотр закончен, снова Шадров собирает наши паспорта, всё, дороги назад больше нет. Мы в Ливии. Время к полуночи. Идем в небольшое кафе, недалеко от КПП, что-то нам дают перекусить, сидим за столиками, на стене висит большой плазменный телевизор, идет какая-то арабская развлекательная передача, ничего не говорит о войне, о революции. Отношение к нам более чем доброжелательное, входящие здороваются, приветствуют. Ну, прямо как в былые времена.

Через час, полтора приглашают всех выйти на улицу; на дороге стоит несколько внедорожников и микроавтобус, группа вооруженных автоматами арабов что-то обсуждают с Шадровым. Получаем команду грузиться в машины, и начинаем движение. Снова накатывает небольшое волнение, но это наедине, а в кругу таких же, как и ты мужиков, как-то отходит на второй план. Время за полночь, всех клонит в сон, кто дремлет, кто смотрит в окно, пытаюсь вспомнить ту свою Ливию, в которой проработал не один год. Это ведь только я пробыл в этой стране всего лишь год, все остальные по сравнению со мной ветераны. Самый меньший срок три-четыре года, а кто-то проработал в Ливии десять и более лет. Многие прошли через воинские части многих городов этой североафриканской страны. Это Бенгази, Триполи, Сепха, Злытань, Мисурата и другие, названия которых, мне как новичку, трудно было запомнить. Некоторые успели поработать не только в системе ПВО, но и на ремонтных заводах и частях, которые курировал сын Муамара Каддафи – Хамис.

Это те, кому посчастливилось вырваться из фирмы Халида. У Хамиса они получали своевременную и полную зарплату, продовольственный паек и имели нормальные жилищные условия. Каждый из этих людей, кто-то в большей, кто-то в меньшей степени, сталкивался с Александром Федоровичем Шадровым. Про него уже тогда ходили легенды. Мало кто положительно отзывался об этом человеке. Но были и те, кто его боготворил. Но таких было всего пара человек. К моему сожалению, таким оказался и мой товарищ Сергей Бычков. Чем Шадров его так расположил к себе, не пойму, но думаю, не обошлось тут без общей любви к застолью. Как я уже упоминал, самогон среди нашего брата в Ливии не гнал только ленивый, но даже тот, кто вообще не употреблял спиртное. Надо отдать должное Шадрову. В вопросах организации всевозможных застолий ему трудно было найти равных. Бычков прекрасно играл на гитаре, спиртное в избытке, шикарный стол из жареной на углях молодой баранины, свежевывловленных осьминогов и других даров Средиземного моря, накрытый подругой Шадрова, медсестрой украинкой Катей, что еще надо, чтобы хорошо угостить собеседника и расположить его к себе. Несколько раз мне тоже доводилось принимать участие в таких посиделках, но не так часто, как в этом участвовал Серега Бычков и Юрка Паршиков со своей подругой жизни, тоже медсестрой, из того же госпиталя, и тоже украинкой Лилей. О Кате и Лиле я еще буду рассказывать в дальнейшем своем повествовании, так как они принимали активное участие в нашей жизни во время тех ливийских событий. Обе эти дамы были подругами, работали, как я уже упоминал, в одном госпитале, жили в одном общежитии, знали Шадрова и Юрку не один год, вместе с ними имели на побережье в коттеджном поселке небольшой домик, там и жили, время от времени в перерывах между дежурствами в госпитале.

Часа через четыре подъехали к воротам, какого-то жилого комплекса, внутри в два этажа контейнерного типа домики, несколько человек вооруженной охраны. Быстро расселились по комнатам, часа четыре отдохнули и снова в путь. Уже давно рассвело, едем, смотрим в окна; не часто, но попадаются дома с дырами от попаданий толи снарядов, толи ракет, никто ничего не объясняет, делаем выводы сами. Но на улицах все спокойно, люди спешат по своим делам, работают магазинчики, которых здесь в Триполи предостаточно чуть ли ни на каждом углу. Наконец, 22 июня мы прибываем на первое место, где нам пришлось пробыть чуть больше недели.

Место это, полностью построенный, оборудованный по последнему слову медицинской техники госпиталь. Несколько трехэтажных корпусов расположенных цифрой 8, внутри каждого круга этой воображаемой восьмерки просторные скверики с беседками для отдыха, входы и выходы каждого корпуса на обе стороны, весь комплекс окружен довольно высоким забором, двое ворот, на каждой по несколько человек вооруженной охраны. На территории госпиталя имеется два теннисных корта, волейбольная площадка, открытый плавательный бассейн, несколько вспомогательных сооружений, банно-прачечный комплекс, кухня и прочие неизвестные нам постройки. По всему видно, что больничный комплекс только что построен, но еще не вступил в эксплуатацию. Нам предложили разместиться на втором этаже одного из корпусов. Шадров с сыном и дочерью расположились в том же корпусе, на первом. Мы заняли палаты по четыре человека в каждой. Палаты, как говорится «муха не сидела», матрацы еще в целлофане, тумбочки с комплектом постельного белья, шкафы для верхней одежды, все новое, все на своих местах. Огромные окна во всю стену, система вытяжной вентиляции, жалюзи, система пожаротушения, все как положено. Палаты расположены по одну сторону очень широкого коридора, в котором через каждые 30 метров огромный плазменный телевизор, вокруг которого, абсолютно новые мягкие диваны и кресла. Между двумя соседними палатами туалетная комната с душем и ванной. На корпус, один медицинский пост, оборудованный компьютером, системой видеонаблюдения, системой оповещения и еще какими-то системами, нам пока не ведомыми, но вскоре обследованными в полном объеме, включая программное обеспечение многочисленных компьютеров. Каждый из нас считал себя не последним в вопросах радио, электро, компьютерной и всякой там техники, и каждый подсознательно, а может и сознательно старался показать себя перед товарищами в лучшем виде. Поэтому каждый прибор, попадавшийся нам по пути по мере обследования территории медицинского комплекса, был ошупан, опробован в действии и озвучен перед приятелями. В замке каждой из дверей были вставлены ключи, а это значит, все эти двери были нами открыты, все помещения обследованы, благо, кроме нас во всех помещениях не было ни одной живой души. Тщательно были обшарены второй и третий этаж, а также выход на крышу. Тот корпус, который мы занимали, составлял лишь одну двадцатую часть всего комплекса, и это не давало покоя нашему любопытству. Одного корпуса нам оказалось мало. Несмотря на запрет покидать выделенный нам корпус, народ потихоньку начал путешествовать по всему комплексу. А посмотреть там было на что. Один из корпусов относился к отделению стоматологии. Такого оборудования я не видел даже в кино. Такое у нас появиться, наверное, лет через десять, если вообще появится. В общем, бродили мы по разным корпусам с отвисшей челюстью и не переставали удивляться. Строили комплекс, как я понял, французы, все было доведено до ума и сделано в лучшем виде. Обследовали мы и крышу. По всей крыше от корпуса к корпусу были достаточной ширины переходы, поэтому мы побывали на крыше каждого. Запрет вылезать на крышу мы, естественно, проигнорировали. Взрослые мужики, все в основном пенсионеры, а вели себя как малые дети. И ничего, что все просматривается со спутника, что в небе гудят беспилотники, иногда пролетают транспортные или разведывательные самолеты, на небе, как обычно бывает в Ливии без облачка, мы лазаем по крышам, нам интересно. Нашлись любители, кто разделся догола и прилег загорать на крыше корпуса. Нашей безалаберности и глупости не было пре-

дела. В один из дней нашего пребывания в медицинском комплексе, будучи на крыше наблюдали пролетевший над нами небольшой турбовинтовой самолет, который, как мы потом узнали от посещавших нас периодически арабов, сбросил французский десант, и что он, якобы уничтожен отрядом спецназа ливийской армии. Не часто, но все же приходилось нам слышать отдаленные раскаты взрывов, где то за горизонтом черные клубы дыма от разрыва пущенных с беспилотных аппаратов ракет. Все это мы знали и видели, но никаких выводов для себя не делали, тупо, как бараны следовали за своим вожаком. А вожак наш, Шадров Александр Федорович, рано утром покидал нас и возвращался только поздно вечером, не особо заботясь над тем, чем мы тут питаемся. Все запасы, привезенные с собой, у кого что было, мы съели и выпили в первый день пребывания. Иногда он, конечно, что-то нам подкидывал. Но это было, всего на всего, несколько пачек макарон, иногда несколько сырых курей, хлеб, сахар, питьевая вода в бутылках по 1,5 и 6 литров. В корпусе была комната для разогрева пищи и совмещенная с ней столовая, в которой были столы и стулья, но не было ни тарелок, ни ложек, ни стаканов. Курей и макароны варили в этой комнате. Где-то раздобыли большую кастрюлю, тарелки делали из семилитровых пластиковых бутылок, которых на всех сначала не хватало, потом по мере поступления питьевой воды, этими самодельными тарелками, обзавелись все. Иногда, когда приезжали арабы, то привозили сладкую воду в металлических банках, от которой еще больше хотелось пить. Оставшийся хлеб резали на сухари, раскладывали на свободных столах и сушили. Когда не привозили хлеб, питались сухарями. Когда вернулись на это место через два месяца, наши сухари так и оставались лежать на столах, и мы их тогда моментально съели, поскольку после нашего бегства обеспечивать нас едой никто не собирался.

Чем питался Шадров со своим семейством, я не знаю, с нами он никогда не принимал пищу, ни тогда, ни позже и даже в тюрьме он питался отдельно вместе со своими заместителями и равнодушными к нему товарищами. Готовить пищу из того скудного провианта, что нам иногда привозили арабы вызвался один товарищ, звали которого Стас Селиванов. Бывший десантник, афганец, возрастом чуть моложе нас, этакий былинный богатырь Илья Муромец. Кроме готовки он еще и каждое утро драил полы в вестибюле, хотя они и так сияли как в музее и практически не пачкались. Каким образом он оказался в нашей компании – загадка. На стене палаты, где квартировал Стас, был прикреплен большой флаг ВДВ с надписью «Никто кроме нас». Если мы все были, кто больше, кто меньше связан с системами ПВО, то Стас, как парашютист – десантник, как-то не вписывался в нашу компанию. Поговаривали, что его, Шадрову, толи навязали, то ли рекомендовали какие-то большие начальники из депутатского корпуса Украины. Стас вроде бы был, каким-то депутатом городского совета Днепропетровска. Вероятно, ожидалось немаленькие финансовые потоки, и кто-то очень хотел держать руку на пульсе нашей экспедиции. Но это все было на уровне наших тогдашних размышлений и умозаключений в кулуарах больничного комплекса. В дальнейшем, Стас еще несколько раз появлялся в нашем поле зрения, но обо всем по порядку. Мы по-прежнему продолжали обследовать госпиталь, загорать на крыше, с утра до вечера смотрели различные сериалы. Некоторые товарищи позаботились, взяли с собой ноутбуки и коллекции фильмов на любой вкус. Для инженера радиоэлектроника подключить ноутбук к плазме не составляет особого труда. Так пролетела неделя, может чуть больше. Вот, наконец, в один прекрасный день поступила команда ехать в офис нефтяной компании подписывать контракт. По нашу душу подогнали несколько машин и, мы поехали в один из районов города, где находилась эта контора. Через полчаса езды подкатили к незнакомому мне офису. Он находился в одной из квартир дома на узкой городской улочке. Со стороны совершенно невозможно догадаться, что это один из офисов российско-ливийской нефтяной компании. В мое прошлое пребывание в Ливии в 2010 году я неоднократно бывал в главном офисе компании, мы с Бычковым, иногда бывали в офисе нефтяной компании, когда забирали из офиса Славку Качуру, нашего товарища по тем временам, в дни, когда у него был неисправен его автомобиль. В большинстве случаев я обычно сидел

и ждал его в машине, но случалось, и побывать внутри. Достаточно просторное одноэтажное здание в арабском стиле, большой внутренний двор за красивыми, кованой вязью воротами. Во дворе под навесом стоянка для автомобилей, где стояли шикарные «Мерседесы» и «Лексусы». Внутри здания, большой круглый холл, по кругу небольшие коридорчики, за которыми отдельные кабинеты работников компании. В холле, как и везде, огромные, во всю стену, портреты лидера революции полковника Каддафи. Но на этот раз нас привезли не в этот офис. Это были две смежных квартиры, наспех переоборудованных под офис. В каждой было по три комнаты, кухня и санузел. Каким-то образом в переходе между квартирами была оборудована кальянная комната под открытым небом, с небольшим фонтаном, ковром на полу, клетками с попугаями и небольшими скамеечками. Из охраны, несколько довольно молодых пареньков, вооруженных АКМ. Они же варят кофе для нас и хозяев офиса. Нам предложили расположиться на нескольких кожаных диванах и креслах и угостили сваренным по-ливийски кофе. Как чай, так и кофе ливийцы готовят своеобразно. В емкость насыпают на треть объема молотого кофе, как правило, йеменского, чуть ли не половину объема сахара, заливают кипятком и варят, не снимая с огня помешивая, почти полчаса. За это время получался очень сладкий напиток больше похожий на сироп, чем на тот кофе, который мы, европейцы, привыкли пить. Подают в миниатюрных чашечках, в которых половина гущи. Примерно точно так же готовят ливийцы и чай, как черный, так и зеленый, причем чай они не заваривают, как мы, а варят. Пьют ливийцы чай и кофе, как и все арабы, достаточно часто.

Сидим достаточно долго, чего-то ждем. Из комнаты просматривается коридор от входной двери до других комнат. Периодически появляются и исчезают, какие-то неизвестные люди. Наконец появляется Шадров с пачкой бумаги и кучей шариковых ручек. Раздает каждому по листу бумаги и ручку. Предлагает написать, какой военной специальностью каждый из нас владеет, где и на каких должностях проходил военную службу.

После написания, листы были собраны и сданы Шадрову. Никто не заикнулся о том, что речь не идет о нефтяной специальности, а идет о военной. Каждый из нас наверняка давно понял, что от нас хочет господин Шадров, но не осознавал до конца, чем, же все-таки придется заниматься на самом деле. Лично мне тогда показалось, что Шадров планирует провернуть какую-то грандиозную аферу.

Примерно зная состояние системы ПВО Ливии и особенно района Триполи, я точно знал, что привести в боевую готовность даже отдельно взятые зенитные ракетные комплексы любой из систем, не представляется возможным. Еще за год до революции, можно было бы, что-то еще сделать, заказав запасные части и ракетное топливо из стран бывшего СССР, собрав группу узких специалистов по конкретным единицам техники.

После ракетных и авиаударов стран коалиции и без того устаревшая и на 90% не боеготовая техника ПВО была практически выведена из строя. Крылатыми ракетами «Томагавк» с кораблей ВМФ США выведены из строя командные пункты, локаторы радиотехнического обнаружения и антенные посты зенитных ракетных комплексов, заводы по ремонту техники. Кое-что, конечно, осталось, но это в основном, разрозненная и разукomплектованная техника с уцелевших складов, заброшенных воинских частей, и там, куда не долетели американские томагавки.

Кроме того вся техника ПВО, да и не только ПВО, была выпущена в Союзе еще в 80х годах прошлого века, технически устарела.

Все это было очевидно для каждого из нас, поэтому-то мы были уверены, что ничего путного из этого предприятия не выйдет, а вот поддержать технику нефтеразведки на уровне работоспособности казалось вполне вероятным. Думаю и Шадров все это прекрасно понимал. Наверняка наобещал наивным арабам золотые горы, а сам решил сделать ход конем, набрать как можно больше денег, развернуть бурную деятельность и в подходящий момент удрать. Для этой цели ему нужны были не специалисты, а просто люди, под которых арабы выделяли

деньги. А деньги, надо думать, были не малые. Кроме нас, готовились еще две группы желающих заработать, одна из них успела прибыть в Ливию через месяц после нас и вкусить все прелести арабского плена. Другую группу бог уберег, и она, отдохнув в Тунисе за счет Шадрова, убыла домой почти накануне нашего ареста. Представляю, как они благодарили бога, узнав о нашем аресте и дальнейшей судьбе.

О своих планах и дел с арабами Шадров с нами не делился. О чем-то мы сами догадывались, что-то узнавали от арабов, благо среди нас были товарищи неплохо понимающих арабский язык.

Наконец, наше сидение в офисе якобы нефтяной компании подошло к концу. Появился Шадров и представил нам главного нашего шефа. Это был Абдусалам. Мужчина лет сорока-сорока пяти, довольно приятной внешности, хорошо сложенный, вооруженный пистолетом в кобуре на поясе. Он немного говорил по-русски, и производил приятное впечатление. Далее Шадров представил себя, как заместителя Абдусалама, и еще одного человека, второго заместителя Абдусалама. Этим человеком был Кирилл Териенков. Кирилл был гражданином Российской Федерации, окончил, как он мне рассказывал при нашем с ним знакомстве год назад, военное училище Верховного Совета по специальности военного переводчик с арабского языка. В Ливии проработал не один год, прекрасно знал арабский язык, в той нефтяной компании, которую я знал раньше, он работал переводчиком. Чем он занимался до работы в нефтяной компании, я не знаю. Познакомился я с ним в 2010 году, его как-то вечером, тогда, привел Шадров, на очередные вечерние посиделки с бохой (самогон по-арабски) и жареной бараниной. Достаточно коммуникабельный, несмотря на свой огромный вес, внушительный живот и габариты, Кирилл производил приятное впечатление, нос не задирает, много и интересно рассказывал, вообще был своим парнем в любой компании. Мы с ним беседовали на разные темы, вспомнили военную юность, курсантские годы, нашли много общего в нашей прежней жизни. Не знаю, запомнил ли он меня тогда, больше мы с ним уже не встречались, но я его запомнил достаточно хорошо. Меня всегда привлекают люди, обладающие выдающимися способностями и много достигшие в жизни.

Сдав листы с описанием нашей подноготной, мы отбыли обратно в госпиталь, где продолжали ожидать дальнейшего развития событий. Конечно, мы обсуждали между собой посещение офиса и все что там происходило. Не особо нас и возмутило то, что контракт с нефтяной компанией не был подписан, все надеялись на Шадрова и думали, что он знает что делает.

Через пару дней половина из нас убыла из госпиталя на следующую базу, те, кто остался понятия не имели, куда отправились остальные. Никто никому ничего не сообщал.

Еще через пару дней, куда-то резко засобирался наш десантник Стас Селиванов. Через полчаса он, уже с вещами, наспех попрощался с теми, кто остался и, ничего не объясняя, убыл в неизвестном направлении. Только много позже мы узнали, что отбыл он обратно домой на Украину. Что послужило причиной его убытия, можно было только догадываться. И мы, естественно догадывались. По одним непроверенным данным он якобы не устраивал Шадрова как специалист, по другим Шадрову не нужны были лишние глаза и уши со стороны «упавших на хвост» левых товарищей, которых Шадров не знал, или не хотел знать. Но, тем не менее, Стас, получив на руки штуку баксов, убыл восвояси, заодно отдохнув на халяву в Тунисе в начале нашей экспедиции. Видно ангел-хранитель оберегал Стаса уже тогда, а наш дремал до поры, до времени.

А еще через пару дней, пришел и наш черед. Я и еще пятеро человек, быстро свернулись, погрузились в микроавтобус и убыли на новое место.

Это был один из районов Триполи, Занзур. На берегу Средиземного моря, площадью около четырех гектаров, вдоль моря длиной около 500 метров, за бетонным забором располагалась площадка корейской строительной фирмы «Daewoo». Это был полностью автономный для жизни и работы рабочий городок с населением человек на триста, может даже больше,

с полностью укомплектованным всем необходимым жилым фондом, полностью забытыми всем необходимым складскими помещениями, своей электрической подстанцией и мощными бытовыми дизель электростанциями. Была даже своя автозаправочная станция. В этом чудо городке был свой собственный компактный цементный завод. Из техники, с десятков больших и малых автопогрузчиков, больших, малых и средних грузовых автомобилей, японские большой грузоподъемности автомобильные краны с компьютерным дистанционным управлением. Большое количество всевозможной вспомогательной техники, сварочное, слесарное, токарное, такелажное оборудование. Большие мастерские для ремонта любой сложности. Огромные катушки с медным и другим кабелем, штабеля арматуры и прочего всевозможного сырья.

Жилой фонд тоже поражает наше воображение. Металлопластиковые контейнерного типа сборные одно и двух этажные дома. Отдельные, со всеми удобствами комнаты, оборудованы кондиционерами, холодильниками, встроенными шкафами, бойлерами, туалетами и душевыми комнатами. В каждой, как правило, шикарная двуспальная кровать с комплектом спального белья, на полу либо палас, либо ковер. Компьютерный стол, с большим количеством, ящиков. К столу подведен кабель интернета и спутникового ТВ. На окнах современные жалюзи, дневной свет и сенсорная настольная лампа, которая зажигается от одного к ней прикосновения. Короче говоря, как у нас говорят, «полный фарш».

Один жилой модуль состоит из двух рядов комнат, по 10 в каждом, комнаты расположены по обе стороны длинного коридора, на полу которого, по все длине ковровое покрытие. Четыре или пять жилых модулей вместе с прачечным модулем и модулем для культурного отдыха замыкались в кольцо, составляя единое целое. На крыше в центре, четыре огромных спутниковых антенны. Телевизионные кабели расходятся в каждую комнату и комнату отдыха. На миниатюрных полочках на каждой стене жилого модуля антенна Вай-фай. В прачечном модуле пара больших и малых стиральных машин Автомат.

Комната отдыха большая, с плазменной панелью, и спутниковым ресивером, большой стол, десяток стульев, многофункциональная беговая дорожка и велотренажер.

Таких примерно модулей, больших и малых, различного назначения и конфигурации на площадке «Daewoo», как мы ее тогда называли, было десятка два. В таких же модулях был размещен спортзал с тренажерами, штангами и гантелями различного вида и веса. Везде кондиционеры, большие и малые, в зависимости от размера модуля. Все модули на момент нашего прибытия были закрыты на ключ. Ключи были собраны в одну большую коробку, на некоторых ключах были бирки с номерами, на многих просто бирки без номера. Потребовалось достаточно времени, чтобы найти в этой куче нужный ключ. Но как это обычно бывает, нужных ключей оказалось лишь на половину комнат. Проблему решали просто, отверткой и плоскогубцами.

До нас на этой площадке работали корейские рабочие. Когда мы прибыли туда, то создавалось впечатление, что корейцы вышли на обед и сейчас вернутся обратно. Во встроенных шкафах была выходная, спортивная и рабочая одежда, вплоть до нижнего белья, а также несколько пар обуви. В ящиках столов лежали наручные часы, записные книжки, авторучки, маркеры и прочие принадлежности. В душе даже висели полотенца, на полках лежали початые бутылки с шампунем, туалетной водой, бритвенными приборами. В холодильниках, еще не успевшие испортиться продукты и напитки. В комнате полный порядок и комфорт.

Особое внимание необходимо уделить пищеблоку. Такая же модульная компоновка. Складской модуль примыкает к варочному модулю, который в свою очередь примыкает к модулю столовой на 40—50 человек. В каждом, естественно кондиционер, дневное освещение, вентилирование воздуха. Варочный цех, это что-то. Два на четыре метра газовая плита, с духовочными шкафами, два бойлера для горячей воды, огромные ванны для мойки посуды и других целей, вытяжная вентиляция, большие разделочные столы, набор поварских инструментов различного назначения. Набор посуды и многое другое. Проходя службу в армии и сме-

нив несколько воинских частей, я насмотрелся на разные солдатские кухни и столовые, но та кухня и столовая, что увидел здесь не идет, ни в какое сравнение. И что особенно примечательно, в отличие от наших, нет ни мух, ни тараканов, никакой живности, везде применяются ловушки и всякие другие премудрости.

Один из модулей пищеблока полностью включал в себя холодильную камеру. Таких пищевых комплексов на площадке "Daewoo", было как минимум два.

На площадке было несколько вместительных размеров складских ангаров, под завязку заполненных всевозможным имуществом и продовольствием. Поскольку в этом чудо городке кроме нас и нескольких охранников не было ни одной живой души, наши товарищи, как и все остальные помещения, не оставили эти склады без внимания. После того, как каждому досталось по отдельному номеру в жилом модуле, многие решили его немного облагородить. Со складов тащили все что надо и не надо. Компьютеры, принтеры, сканеры и ксероксы. Канцелярские принадлежности, электрические удлинители и настольные лампы. Другие всевозможные офисные принадлежности. Все, что только попадалось на глаза, все тащили в жилой блок. Делали по несколько ходок. Вскоре многие комнаты приобрели вид офисов.

У некоторых товарищей было по два монитора, по паре принтеров, у кого-то были даже ЖК телевизоры. Сергей Бычков, видно стремясь угодить своему другу Шадрову, взял на себя обязанности начальника штаба нашей экспедиции и развернул бурную деятельность. Бумаги для печати было предостаточно. Первым делом Сергей напечатал на весь формат А4 портрет своего кумира Шадрова и прикрепил его на стену. Дальше больше, на двери каждой нашей комнаты появилась табличка с номером комнаты и фамилией каждого из нас. Зачем он это делал непонятно. Учитывая то, что предприятие наше было всё-таки не совсем легальным, мало ли как могли развернуться дальнейшие события. Все наши фамилии и всевозможные другие данные, автобиографии, фотографии, которые Сергей успел напечатать и наснимать, уже было достаточно, чтобы о нас знал любой человек, к кому эти документы могли попасть. В столовой, где мы завтракали и ужинали, на стенах появились документы, как когда-то в солдатских столовых из нашего армейского прошлого. Это нормы довольствия, сколько кому положено хлеба, макарон, чая, сахара, рыбы, мяса и тому подобное. Документы утверждались Шадровым, делались по всем правилам. Вся эта чушь, естественно придумывалась экспромтом и вывешивалась на всеобщее обозрение. Конечно, все над этим посмеивались, во-первых, зачем все это нужно, во-вторых, все эти нормы ни разу не выполнялись. Было такое ощущение, что над нами просто издеваются. Иногда на завтрак выдавалось по 2—3 маслины, маленьких размеров плавленый сырок, хорошо, если был вчерашний хлеб или сухарь. В первые 2—3 недели еще было как то более-менее нормально, потом «нормы довольствия» по-Шадровски постепенно сошли на нет.

И еще по вопросу нашей скрытности. Бычков имел всегда при себе полупрофессиональный фотоаппарат. Где бы мы не находились, чтобы мы не делали все снималось на камеру, обрабатывалось на компьютере Бычкова и хранилось во внешнем жестком диске, который он привез с собой. Кроме этого, некоторые из нас, если не многие, снимали иногда друг друга и не только на мобильные телефоны. Практически половина из нас являлась носителями информации о разрушениях, сделанных американскими крылатыми ракетами, ударов с беспилотников, фотографиями наших орлов на военной технике и многое другое.

Несмотря на скудный рацион, склады были забиты провиантом. Конечно, основная его часть относилась к корейской кухне, были даже деревянные и стеклянные палочки для еды. Но тем не менее можно было спокойно готовить еду из того, что находилось на складах. Просто те, кто занимался приготовлением пищи, не утруждали себя поисками необходимых продуктов, а брал то, что было под рукой.

Теперь о наших поварах. Кашеварить вызвался один из наших товарищей Олег Герасимов из Одессы, сварщик по профессии, в прошлом с военной службой не связанный.

Помощником у него был сын Шадрова Максим. Само провозглашенный начальник штаба составил списки дежурных по кухне. В списке были все, кроме самого составителя списков и его товарища Саши Дробязко. Видимо себя он считал большим начальником и считал мытье посуды не царским делом. Именно тогда у меня появилось первое ощущение, что Бычков совсем не тот человек, каким я его себе представлял. А ведь нас до этого многое связывало, его я считал, чуть ли не старшим братом. В дальнейшем эта маленькая трещинка между нами перерастет в огромную пропасть.

Наша строительная площадка прилегала одной стороной к морю, и там не было никакого ограждения, с другой была обнесена двух метровым бетонным забором. За забором проходила асфальтированная городская дорога, а вдоль нее шли обычные жилые дома. Дома были одно, двух, трех и даже четырех этажные. Окна домов выходили и на дорогу, и из них как на ладони была видна вся наша строительная площадка. Население, по-прежнему находилось в городе и любой заинтересовавшийся гражданин, мог вполне видеть, что творится за забором, и какие «корейцы» там работают. Мобильная связь работала нормально, и совершить звонок «куда надо» мог любой, недовольный властью. Что, наверняка, и делалось. Думаю, о нас уже тогда знали всё, если не с момента пересечения границы, то с момента нашего появления в корейском городке, это уж точно.

В целях конспирации, нам приказано было сдать ливийские сим карты, у кого они были, и ни в коем случае не звонить с мобильного телефона. Но этого, конечно, никто не сделал, и продолжал звонить на родину и по другим адресам. Кроме того предписывалось надевать специальную одежду и строительные каски оранжевого цвета. Это, якобы, чтобы из окон домов никто не догадался, что мы не настоящие корейские строители.

Надев униформу народ начал осваивать строительную площадку. Подбирались ключи и открывались двери служебных помещений и мастерских, гаражей и ангаров, открывались кабины грузовиков, автопогрузчиков и автокранов. Заводились моторы и, начиналось движение всего, что двигалось и вращалось. Сварщики знакомились с новейшим иноземным сварочным оборудованием. Рабочие руки жаждали работы.

Почти неделю мы осваивались на новом месте, в офис нефтяной компании больше никто никого не возил, Шадров с Кириллом частенько куда-то уезжали, возвращаясь под вечер. Пользуясь их отсутствием, народ продолжал обследовать все помещения, и строительные площадки. Так прошло две недели. Наконец в пустующие ангары, площадью почти с футбольное поле, начала поступать разнообразная военная техника. Техника завозилась в темное время суток, затягивалась в ангар. Ворота ангаров, как правило, закрывались, оставшийся проход завешивался маскировочной сетью. В одном из ангаров располагалось несколько пусковых установок зенитного ракетного комплекса С-75 «Волга». У нас в Союзе ЗРК С-75 назывался иначе, вся техника, которая поставлялась в то время за границу, меняла свои названия. Так С-125 назывался «Печора», ЗРК сухопутных войск «Куб» звался «Квадрат», и так далее. Свое название, почему то не поменял ЗРК С-200, как был «Вега», так и остался. На этом зенитном ракетном комплексе я прослужил всю свою службу в вооруженных силах, сначала Советского Союза, а потом и Украины. Судьба накрепко связала меня с техникой противовоздушной обороны и после окончания военной службы. Наверное, я был всё-таки неплохим инженером, если меня после окончания службы нашли и пригласили продолжить свое общение с техникой войск ПВО.

Пусковые установки представляли собой жалкое зрелище. Грязные, ржавые, с искореженной ходовой частью, по всему видно они не работали лет десять, а то и больше. Откуда их притащили я как то не поинтересовался, да и не до того нам тогда было. У нас тогда в мозгах крутились совсем другие мысли. Многие из нас давно покинули службу в армии, и встреча с техникой, на которой проработали не одно десятилетие, вызывала ностальгические чувства, и народ с головой погрузился в работу. Удивительно, но никого не приходилось заставлять что-

либо делать, сами находили, сами организовали свою работу, сами находили нужный инструмент и погрузились в работу. Конечно, общее руководство осуществлялось Шадровым, но, как говорится, народ бежал впереди паровоза.

Во второй ангар, такого же размера, притащили КИПС. КИПС это Контрольно- Испытательная Передвижная Станция. Это техника предназначена для диагностики электронного оборудования зенитных ракет комплекса С-75. Состоит она из двух машин с оборудованием. Эту технику мне и еще двоим товарищам, предстояло привести в чувство, подготовить для проверки ракет. Я не являлся специалистом по данному образцу техники, хотя моя военная специальность было родственная данной, поэтому ко всему прочему, мне еще предстояло изучить эту хоть и устаревшую, но все-таки пока еще достаточно грозную технику. Триумфом ее был Вьетнам. Эта была гроза для американских «Фантомов». Основным специалистом КИПС был Михалыч. Анатолий Михайлович Козлов, мужчина шестидесяти двух лет, на этом комплексе прослужил 25 лет, дослужился до подполковника, командира технического дивизиона, закончил он свою службу около двадцати лет назад в Одессе. Уволился как раз накануне перехода одесского военного округа под юрисдикцию Украины.

Не успел Михалыч вкусить всех прелестей службы в украинских вооруженных силах.

В отличие от меня, Михалыч в Ливии был с самого начала первых наездов Шадрова и его команды в эту африканскую страну. А началась эта эпопея в далеком толи 1999, толи 2000 году.

Еще одним членом команды Михалыча был Василий. Василий, бывший прапорщик, техник и старшина в бывшем дивизионе Михалыча. Вместе они служили при Союзе, жили по соседству, после увольнения в запас, поддерживали дружеские отношения, вместе ездили в Ливию. Старшина в армии это не должность, это образ жизни, это диагноз. К этому добавьте, что Василий еще и украинец. Крепкий хозяйственный мужик, своего не упустит, ко всему у него есть дело.

Так мы втроем начали потихоньку доводить до ума это чудо техники. Подключить ее к электросети представляло некоторую проблему и поэтому мы просто очищали машины и оборудование от пыли и песка, чего в Африке предостаточно, производили мелкий ремонт многочисленного кабельного хозяйства. На этом наши работы с этой техникой в этом ангаре и закончились. Подключить технику к электросети так и не удалось. И нас перебросили на следующий объект.

Новый объект это покраска всей техники, которая с каждым днем все в большем количестве прибывала на площадку. Из новой техники появились полуприцепы радиолокационных станций, антенные системы, пусковые установки к зенитным ракетным комплексам С-125. Чего-чего, а краски на складах корейского мини заводика было превеликое множество и на любой вкус. Не знаю, чья это была идея перекрашивать всю технику во все цвета радуги, но все бросились усиленно исполнять это абсурдное решение.

а площадке начали появляться синие полуприцепы, серые кабины автомобилей, желтые пусковые установки, зеленые антенны. Наверное, Шадров думал ввести в заблуждение американские спутники, раскрасив технику под детскую площадку. Жаль не додумался он раскрасить пусковые установки и ракеты под пятнистые мухоморы. Конечно, мы шутили по этому поводу, но особо не возникали, было даже интересно, что из этого всего выйдет. Еще одна непонятная мне, идея заключалась в установке на трейлер пусковых установок комплексов С-125 «Печора», и С-75 «Волга», приваривание их сваркой намертво к корпусу трейлера. В штатном расположении стартовых позиций этих комплексов все пусковые установки расположены по кругу в определенном порядке и жестко привязываются к станции наведения и местности. Как Шадров собирался пускать ракеты с автомобильных трейлеров, непонятно. Установить неповоротливые трейлеры в нужном порядке и подключить их к станции наведения, это еще в принципе возможно. После первого же пуска одной ракеты, вся конструкция с другими ракетами на пусковой установке просто перевернется. Хотя, если вместо четырех положенных

ракет зарядить на каждую пусковую по одной, то по одному пуску может и можно, было бы сделать. Возможно, это была одна из очередных афер мастера авантюр Александра Шадрова. Этот вывод следует из того, что на момент этих действий конкретных специалистов по С-75, кроме одного в нашей команде не было. Не было и ракетного топлива, ведь система С-75 работает на жидком ракетном топливе. Специалистов по ремонту и вводу в строй антенных систем и станций наведения обоих комплексов на тот момент тоже не было. Все мы были специалисты широкого профиля, да ПВО-шники, да инженеры высокой квалификации, но каждый по своей системе. Последующие события показали и необходимость не только специалистов по ремонту, но и людей, способных сработать в составе боевых расчетов, а это, как говорят в Одессе, две большие разницы. Мы тогда уже знали, что на подходе еще одна группа, таких же хабиров, как и мы. А пока они нежатся на море в Тунисе, мы продолжаем работать на той же площадке, где и проживаем. Подходит к концу месяц нашего пребывания в Ливии. Живем там же в 100 метрах от ангаров и площадок с техникой. То, что все это смертельно опасно для жизни, никого особо не заботит. В небе постоянно кружат беспилотные летательные аппараты, слышен их характерный гул. Американские спутники тоже никто не отменял. В жилой комплекс как то даже залетела шальная пуля. Или америкосы знали, кто мы и не хотели нас сразу убивать, хотели поиграть в кошки мышки, то ли по каким-то другим причинам, но нас пока не трогали. Но то, что за нами следили, не было никаких сомнений. Конечно, мы как могли, шифровались, маскировались, но для современных средств разведки, не составляло, ни какого труда нас обнаружить. Доказательством тому послужило определенное событие одного из дней в конце срока нашего пребывания на строительной площадке. На рассвете прозвучал глухой и не громкий хлопок. Никто особо ничего не понял, не все даже проснулись и слышали этот хлопок. На площадке стояла машина зенитного ракетного комплекса «Оса». Прибыла она ночью, в ангар и под маскировочную сеть ее никто не удосужился поставить. Те, кто проснулся, пошли посмотреть, что к чему. На первый взгляд все вроде бы нормально, ни дыма, ни огня, стоит себе машина и стоит. Лишь подойдя вплотную к машине и поднявшись на ее высокий борт, увидели почерневший искореженный двигатель. Пущенная с беспилотника ракета, точно угодила в моторный отсек. Нам явно давали понять, что о нас знают, и наверняка предупреждали, что бы мы убирались, пока целы. Но это случилось позднее, а пока мы продолжали проживать в своих шикарных апартаментах и ждали дальнейшего развития событий. А события не заставили себя ждать. Некоторых из нас начали потихоньку вывозить на другие места работ. Так как я в сложившихся обстоятельствах определенного места работы не имел, то меня Шадров бросал в разные места. Мест таких оказалось несколько. Кроме той ремонтной площадки на месте нашего проживания постепенно образовывалось еще несколько других, но уже на значительном удалении от места постоянной дислокации. Одна из этих площадок была организована, на каком-то частном предприятии с большим количеством морских контейнеров, и парой огромных ангаров. Территория была огорожена бетонным забором, на въездных воротах вооруженная охрана. Из техники там была пара большегрузных контейнерных автопогрузчиков, пара грузовиков контейнеровозов итальянского производства, это не считая мелких грузовичков и всевозможных механизмов и агрегатов типа переносных компрессоров и тому подобное. Туда же были доставлены несколько пусковых комплекса С-75, аппаратная кабина, кабина управления и антенный пост того же комплекса, две войсковые дизель-электрические станции советского производства 80-х годов. В ангар поместили антенный пост зенитного ракетного комплекса С-125, две машины зенитно-ракетного комплекса «Квадрат», дизель-электростанцию, несколько транспортно-заряжающих машин к комплексу С-125. С помощью автопогрузчиков пятнадцати кубовые морские контейнеры были установлены в три этажа буквой «П». Получилась рабочая площадка размером 50х50м. Сверху, по крышам контейнеров натянули маскировочную сеть. Под сетью на бетонной площадке: антенный пост комплекса С-75- кабина «П», рядом с ней кабины «А» и «У», что означает, аппаратная кабина и кабина управления,

соответственно. Туда же притащили и трейлеры – длинномеры с уже приваренные к ним сваркой и покрашенные в желто-голубой цвет пусковые установки для С-75. Весь этот металлолом необходимо было отремонтировать, собрать в единую систему, настроить для обнаружения воздушных целей и ее качественного сопровождения и, естественно уничтожения. Что особо удивляет, на данный момент времени на всю эту кучу неисправной электроники, был всего лишь один специалист, да и тот бывший командир дивизиона, возможно знающий эту систему в вопросах организации и ведения боевой работы, руководства боевым расчетом. В вопросах ремонта и настройки, ему одному справиться было практически невозможно. Не думаю, что авантюрист Шадров, этого не понимал. Может быть, он надеялся, что кто-то подъедет во второй или третий заезд, и эти кто-то решат проблему, а пока он кидал в помощь всех, кто подворачивался под руку, в том числе и меня. О моей работе на этой площадке я еще вернусь, а пока о других местах нашей работы, где мне тоже посчастливилось побывать.

Еще одно интересное место это техническая позиция комплекса С-125, «Печора». Позиция, представляет собой типовую техническую позицию, как и у нас в Союзе, на которой размещались хранилища для ракет, боевых частей к ним, пороховых ракетных двигателей, комплектующих к ракетам, технологическое оборудование, техника для транспортировки, перегрузки, заправки воздухом, и многое другое. Кроме хранения ракет и комплектующих к ним, на позиции производится так же проверка бортового радиоэлектронного оборудования этих ракет. Эту диагностику проводит расчет из четырех человек с помощью контрольно-испытательной передвижной станции. Сокращенно КИПС.

На этой станции мне пришлось поработать вместе Михалычем и Василием. Главным спецом на этом КИПСе в то время был чернокожий араб по имени Турку. Этого самого Турку хорошо знал Михалыч, вместе они, когда то проработали не один год. Было это во время предыдущего посещения Михалычем Ливии. Турку учился у нас в Союзе, немного знал русский язык, и как ни странно, в отличие от многих арабов, достаточно хорошо знал вверенную ему боевую технику. Вообще арабы не особо отличались знанием материальной части и не стремились ее осваивать. Турку был исключением, хотя даже не был офицером. Что интересно, в ПВО Ливии при Каддафи, на всех должностях служили только офицеры, как правило, почти все полковники и подполковники, майора и то редко встретишь. Лейтенанта, старлея или капитана ни разу не встречал. Солдаты и сержанты встречались мне только в охране объекта или на воротах при КПП. Почему Турку не был офицером, служа на офицерской должности, я как то не спросил. После революции многие офицеры-специалисты войск ПВО Ливийской Народной Джамахирии разбежались, кто куда, остались лишь единицы типа Турку и офицеры, не имеющие отношения к боевой технике, но по каким-то причинам оставшиеся на воинской службе.

Еще кто мне запомнился на этой позиции, был один офицер по имени Насер. Почему запомнился, ведь кроме него на этой позиции были и другие офицеры? А запомнился он мне потому, что был тот Насер ни больше, ни меньше, а целым генералом! По должности он не был командиром этой самой технической базы, а занимал какую-то обычную должность, но был генералом. Вместе со своими товарищами полковниками генерал Насер просиживал штаны в беседке около КПП. А сидел он там с утра до вечера и каждый божий день. Был он колоритной внешности, высокий, смуглый, как и все арабы, и с абсолютно седой головой. Иногда он отрывался от своего занятия, и посещал нас. Приходил он не всегда с пустыми руками, несколько баночек пепси или безалкогольного пива он нам приносил. Правда, больше его все же угощали мы. Продукты на день мы с утра привозили с собой. Из того скудного провианта, что нам выделяли, мы делились с генералом. Это было очень непривычно, в нашем понимании генерал, это кто-то очень важный и недоступный для простых смертных человек. Даже прослужив в армии более 25 лет, генералов видеть, приходилось не часто, а уж разговаривать с ним, так это вообще из области фантастики. А тут, генерал, сидящий на КПП и таскающий пепси-колу, как какой-

то ефрейтор, это согласитесь не совсем обычно. Вообще отношения высших чинов в ливийской армии, это очень интересное явление. Тут нет обычного для нашей армии щелканья каблуками и вытягивания в струнку, нет поедания глазами начальства. У ливийских арабов все намного проще. Отношения простые и можно даже сказать дружеские. В курилке очень часто можно было увидеть запросто сидящих вместе, пьющих чай или кофе, и болтающих между собой на абсолютно любые темы полковников и рядовых солдатиков.

Еще нужно отметить по этой технической базе то, что вокруг нее почти вплотную к забору, стояли жилые дома, в которых жили обычные мирные жители. О чем думали, когда строили эту базу, напичканную огромным количеством пороха и взрывчатки, непонятно. Именно это обстоятельство повлекло за собой некоторое количество жертв во время ракетного удара американских беспилотников по этой базе.

Почти таким же, набитом ракетами, порохом и взрывчаткой местом была техническая позиция зенитного ракетного комплекса С-75 -« Волга». Она также находилась в жилом секторе города, и за забором также находились жилые дома по всему периметру базы. Названия «Печора», «Волга», «Квадрат» звучали также и в арабском варианте, переводу они не подлежали. Поэтому слышать эти названия от арабов было даже как то непривычно. Техническая позиция «Волга» так же имела площадки для сборки ракет, для их снаряжения боевыми частями, заправки компонентами ракетного топлива и сжатым воздухом, площадки для перегрузок ракет автокраном, площадки для проверки бортового электрооборудования с помощью станции КИПС, и другие площадки. Таких станций КИПС на «Волге» было целых три, правда в относительно боеготовом состоянии была лишь одна из них. Заставить ее работать и выполнять свои задачи предстояло нам с Михалычем. Как и КИПС «Печоры», КИПС «Волги», мне предстояло осваивать, практически тоже с нуля. По правде сказать, это не представляло для меня большого труда. Работая на станциях КИПС зенитного ракетного комплекса С-200 «Вега», которые были на порядок больше и сложнее, мне приходилось выполнять задачи по обслуживанию и ремонту куда более сложные. А проработал на них я более 25 лет, включая военную службу и работу после увольнения в запас в республиках бывшего СССР, а также и здесь в Ливии.

Но начали мы свою работу на технической базе «Печора». Наша работа на технических позициях обеих систем заключалась в подготовке зенитно-управляемых ракет к боевому применению. Нужно было проверить ракеты на исправность электрооборудования, затем снарядить их боевой частью, присоединить к ним ПРД – пороховой ракетный двигатель, заправить ракеты сжатым воздухом, а ракеты комплекса С-75 еще и компонентами ракетного топлива. Что касается заправки ракет топливом, то тут была большая проблема. Топливо на данной базе отсутствовало. Где Шадров с Кириллом собирался его брать, для нас было еще одной загадкой. Кроме указанных работ, необходимо было еще, и найти автомобильные тягачи и транспортно-заряжающие машины. Штатных седельных автомобильных тягачей ЗИЛ-131В на обеих позициях было предостаточно, но только исправных не было, ни одного. Нашим товарищам автомобилистам предстояло совершить очередной подвиг и реанимировать как минимум шесть-восемь штук. И еще, эти автомобили, и прицепы необходимо было перекрасить в некоторые цвета радуги. Арабы вручную прикатывали нам не собранные пока еще ракеты, на специальных технологических тележках. Мы с Михалычем, реанимировали станции проверки и настройки ракет, присоединяли к ним электрические кабели и воздушные шланги, и проверяли электронное оборудование этих ракет на исправность. Не скажу, что данная работа далась нам легко. Были постоянные перебои с электроэнергией, с ремонтом станции пришлось основательно повозиться. Не имея запасных частей, из трех имеющихся собрали одну работающую. Как только в небе слышался гул авиационных двигателей, мы бросали работу и уходили в укрытие. Конечно, техника находилась в ангарах и под маскировочной сетью, но наша станция, как и сама ракета при проверке бортового оборудования использовала радиоизлуче-

ние в эфир. Это излучение легко могло быть засечено беспилотным летательным аппаратом или спутником и, по нему могла быть наведена ракета, а дальше дело техники. Поначалу мы неукоснительно следовали этому правилу, но через пару недель начали привыкать и, иногда забравшись, просто забывали о мерах безопасности.

Пока мы с Михалычем занимались проверками ракет, Василий и Володя с сыном Вадимом занимались подготовкой боевых частей и пороховых двигателей и их установкой на проверенные нами ракеты. Большое количество ракет нами отбраковывалось, только каждая пятая из них, на что-то еще годилась.

Наши автомобилисты Владимир и Алексей в это время колдовали с автомобилями. Та же схема работы. Запчастей нет, из пяти машин делали одну, потом ее красили распылителем. При покраске мужикам приходилось дышать красочной пылью, ни респираторов, ни противогазов не было, кое-как закрывались тряпками, но все же в конце работы они были похожи на героев фильма «Аватар».

Иногда нас навещал Мухаммед Рахис собственной персоной. Это потом мы узнали, как правильно произносится его имя, мы звали его Архаис, а в шутку иногда и Арахисом. Почти ни о чем, не спрашивая, он тихонько подходил, садился в сторонке и наблюдал за нашей работой. Мы иногда задавали ему вопросы о наших проблемах, он, конечно, обещал, но, как правило, ни чего, ни делал. Зато когда к нам навещался Шадров с Кириллом, в сопровождении своего ординарца Сергея Бычкова, начиналась фото сессия. Мы, конечно, отворачивали лица, но все равно наверняка попадали в объектив его фотоаппарата. Он снимал нас с ракетами, с боевой техникой, что он думал и чем руководствовался непонятно, ведь в случае попадания наших фотографий к повстанцам нам бы не поздоровилось. Но об этом позже.

И еще одно событие, которое произошло в середине июля, ровно через месяц нашего прибытия в Ливию лишний раз доказывает абсурдность нашего предприятия. Если кто-то забыл, что означает дата 14 июля, я напомним. Это день взятия Бастилии, национальный праздник, который ежегодно отмечается во Франции. За пару дней до этой даты в наш жилой комплекс прибыла многочисленная делегация ливийских высокопоставленных военных. Среди них был один из родственников Муамара Каддафи, возможно один из его многочисленных сыновей. Нас срочно собрали в комнате отдыха и представили прибывшему начальству. Арабы поздоровались с каждым из нас за руку, после чего один из генералов держал пламенную речь, из которой многие из нас, если не все, не поняли ни слова, но по их темпераментному выступлению можно было сделать вывод, что на нас возлагают большие надежды. Потом речь держал наш шеф. Он вкратце описал примерно то, о чем мы и подумали, но потом высказал то, что нас повергло в шок. Шадров уверенно заверил военных руководителей Ливии, что мы приложим все усилия в борьбе за будущее их страны, причем, не, только будем ремонтировать военную технику, но и сами сядем за пульта управления и будем сбивать самолеты и беспилотные средства агрессоров. Никогда ранее речь об этом не шла. Нас приглашали совсем по другому профилю – обслуживать оборудование нефтяной сферы, и, может быть, где-то в чем-то проконсультировать братьев ливийцев в вопросах ремонта техники ПВО. Конечно, мы прекрасно понимали, что придется заниматься ремонтом и оказывать посильную помощь в ее восстановлении, но чтобы вести противовоздушный бой, об этом не было и речи. То есть нас, без нашего согласия подписали на участие в боевых действиях. В доверок к этой авантюре Шадров, предложил нам подумать еще об одном деле. Нам, не много не мало, предлагали уничтожить французский военный корабль, который находился в то время в Средиземном море у берегов Ливии. Это событие хотели приурочить ко дню взятия Бастилии. То ли Шадров и вправду верил в то, что нам предлагал, то ли хотел прогнуться перед арабами непонятно, но только весь этот бред был настолько абсурдным, что мы долго над ней смеялись, и никто это мероприятие не воспринял всерьез. Позднее до нас дошло, что нас тупо подставляли и начали задавать вопросы. Шадров, естественно отшучивался, говорил не воспринимать все это всерьез, что все это лишь для

того чтобы выудить из руководства Ливии еще больше денег, а потом можно в любой момент все бросить и сбежать из страны. Нам в очередной раз «вешали лапшу», и что особенно удивительно, мы опять все это проглотили и, в конце концов, успокоились. Как потом оказалось это дорого нам обошлось. Мы тогда еще не знали, что ливийский лидер отстегнул премьер министру Франции пятьдесят миллионов долларов на предвыборную компанию, и осмелился затребовать деньги обратно, да еще обозвал его клоуном.

А пока мы продолжали уже каждый день выезжать на свои рабочие места и выполнять работы, которые планировал и организовывал Шадров с Кириллом, а также наш генеральный директор Абдусаллям, представитель войск ПВО Мухаммед Рхаис и другие представители министерства обороны Ливии.

Работать приходилось без выходных, нормального обеденного перерыва и до позднего вечера. Распорядок дня у нас выглядел примерно так: Подъем в шесть утра, в семь часов завтрак, в половине восьмого те, кто выезжал на технические позиции, усаживались в легковые автомобили и микроавтобусы и убывали на места работ. В каждый автомобиль помещалось от четырех до шести-семи человек. Водитель, всегда был вооружен автоматом и портативной радиостанцией для связи. Таких рабочих мест было несколько. Кроме нас с Михалычем и еще четырьмя товарищами, в другие места отправлялись еще две-три бригады. Эти бригады занимались отбором и перевозкой различной боевой техники ПВО из некоторых воинских частей расположенных в окрестностях ливийской столицы. Отбиралась техника, чудом уцелевшая после натовских налетов, и сосредотачивалась на специально оборудованных ливийцами площадках. Такие площадки, как правило, располагались на заброшенных частных или государственных предприятиях. Они охранялись парой, тройкой охранников. Две-три бригады оставалась работать в нашем жилом секторе, куда так же привозилась материальная часть, подлежащая восстановлению или ремонту. Эти бригады оказывались в лучших условиях, чем остальные. Они могли позволить себе обеденный перерыв на целый час, посидеть в своей комнате перед кондиционером, отобедать в нормальной столовой, принять душ, переодеться и даже прилечь на пол часика. Тех, кого увозили на дальние места работы, не могли себе позволить нормально отдохнуть и принять пищу. Еду привозили с места проживания, как правило, уже остывшую, засыпанную ливийским песочком, и почему то на меньшее количество людей, чем было работающих. Приходилось делиться. Кроме того это был июль и август месяц, Африка, жара 35—40 градусов, чистое небо, ни облачка, в металлическом ангаре, раскаленном до 60, приходилось работать, ни о каких кондиционерах не было и речи. Раздеться до пояса можно было только в ангаре, на открытом воздухе через полчаса можно было получить серьезные ожоги. Добавьте к этому еще и горячий ветер с песком, это как у нас метель, только песчаная. Называется такая метель – Гибли. Она может быть такой, что не видно неба. Во рту песок, в глазах песок, в каждой складке одежды песок. Пот течет градом, вместе с песком это песчаная каша на руках, шее и других местах тела. Но так бывает не всегда, а когда нет песка, жить можно, к жаре тоже привыкаешь со временем.

Иногда арабы нам подкидывали перекус. В полдень у них была, так называемая мень-жирия. В переводе с арабского языка, это еда или прием пищи. Берется кусок белого хлеба, а черного они вообще не едят, режется вдоль на две части, в середину кладут «туну», то есть консервы из тунца, с большим количеством «Харрисы», очень острой приправы, напоминающей нашу аджику. Такой бутерброд называется «нусик». Это слово, производное от арабского «унус», то есть половинка. Такие нусики – их фирменное блюдо, они их едят практически каждый день. Раньше, когда работал в Ливии до революции, ни один день работы не обходился без кофе и нусика. Сейчас же во время революции с хлебом было уже ни так хорошо, как раньше. Поэтому нусики нам давали лишь изредка. И на том спасибо. С питьевой водой тоже было не очень. Вместо нее нам привозили сладкие напитки типа Фанты или Пепси, от которых еще

больше хотелось пить. Немного спасались тем, что когда ехали на работу, по дороге заезжали на базар и покупали большой арбуз. В 12 дня все подтягивались в один из ангаров на арбуз.

Наши мучения заканчивались поздно вечером, когда нас забирали и везли обратно. Но и тут везло не всем. Шадров мог забыть и не послать за какой-нибудь бригадой машину. Приходилось звонить ему на мобильный, и тогда он приезжал за нами на «барановозке» – Тайота-Хайлюкс, лично сам за рулем, часа через два, а то и позже, после звонка. Нередко с ним в машине могли оказаться его сын или дочь. Места на всех не хватало, приходилось ютиться друг у друга на коленях, поскольку машина рассчитана на значительно меньшее количество пассажиров. Но, Федоровича, как многие его называли, это мало заботило. Свою дочурку или сыночка он частенько возил в центр города – поесть вкусенького. Денег видно у него было немерено, в кузове барановозки можно было видеть сумку, из которой прямо на пол вываливались пачки ливийских динаров. Вернувшись на базу к одиннадцати, а то и к двенадцати ночи, было уже не до ужина, лишь бы добраться до душа и постели. Уезжая, многие из нас оставляли кондиционеры включенными, и за день температура в комнате падала до 16 градусов, это было просто блаженством, засыпалось практически мгновенно. Кто-то пытался перекусить в столовой, но ему везло не всегда.

Одна из бригад занималась отбором техники на ремонтном заводе в районе «Таджура», в окрестностях Триполи. До революции этот, довольно крупный завод, занимался ремонтом различных образцов техники ПВО. Он занимал довольно большую площадь, имел несколько полностью оснащенных цехов, имел три этажа и обширные площади, в которых могли размещаться целые радиолокационные станции и другая, как колесная, так и гусеничная техника. С первых дней нашей работы нас почти всех привезли на этот завод для погрузки составных частей и комплектующих к различным единицам техники, на которую указывал Шадров. К моменту нашего прибытия завод представлял собой удручающее зрелище. Во время удара крылатыми ракетами «Томагавк» с американских кораблей в Средиземном море, по заводу было выпущено не меньше десятка таких ракет. По всей территории завода были разбросаны разбитые элементы той техники, которая находилась на открытых площадках. Под ноги то и дело попадали большие и малые осколки самих крылатых ракет американского производства. Попадались хвостовые стабилизаторы и другие элементы ракет с маркировкой на английском языке. На заводских корпусах не было ни одного целого окна, пол в цехах был покрыт толстым слоем стекла и шифера. На высоте 20 метров под самой крышей можно было увидеть многотонную башню от зенитно-артиллерийского комплекса «Шилка», которая застряла в конструкциях крыши одного из цехов. Можно себе представить какова была мощность взрыва. Внутри цехов, находящаяся там техника так же была частично разбитой. Колеса автомобилей были приведены в полную негодность, кабины и оборудование было иссечено осколками. Тем не менее, кое-что и электронного оборудования все же уцелело и могло быть использовано по назначению или послужить запасными частями для других аналогичных единиц, которые сохранились лучше своих разбитых собратьев. Все, что можно было, как то отбуксировать, вытащить волоком вручную, все подлежало перебазированию в другие места для восстановления и ремонта. Подгоняли длинные автомобильные трейлеры, на них загоняли выбранную технику и, поздно ночью перегоняли в эти места. В одном из дней таких работ по отгрузке техники, те ребята, которые остались на ночь в одном из цехов были подвергнуты удару крылатыми ракетами. В непосредственной близости от них произошел подрыв сначала одной, а затем и второй ракеты. В цеху не было света, подсвечивая себе фонариком, двое наших товарищей бежали, куда глаза глядят, перескакивая на ходу через разбитые лестничные пролеты. К счастью все обошлось, все остались живы. Шадров обещал, что передислокацией техники с завода и других мест будут заниматься ливийские товарищи, а на самом деле, заставил выполнять эту работу нас. За руль ЗИЛов и УРАЛов садились наши ребята и, рискуя жизнью, выполняли

эту транспортировку. Иногда Шадров просто исчезал в момент принятия решения под каким-нибудь предлогом, и людям самим приходилось решать такие небезопасные задачи.

А между тем дело приближалось к первой зарплате. Отлично помню, когда она была. Это было 8 августа 2011 года. В этом вопросе тоже отметились кое-какие нехорошие нюансы. Когда нас приглашали в эту экспедицию, то обещали для всех одинаковую зарплату: по три с половиной тысячи американских долларов, затем, после посещения офиса и написания нами своего резюме, ставки поменялись. У некоторых товарищей ставка уменьшилась до двух-двух с половиной тысяч. То, что отдельным, как потом выяснилось, доверенным лицам зарплата была назначена в шесть тысяч американских денег. Проверить, сколько каждый получил реально, не представлялось возможным по одной простой причине. В денежной ведомости, которую составляли наши боссы, сумма напротив каждой из наших фамилий аккуратно закрывалась ладонью Шадрова и Кирилла. Каждый получал свой конверт со своей фамилией, расписывался, где указывали, и убывал к себе в номер пересчитывать драгоценные доллары. В конверте, в действительности находились не только доллары, но и ливийские динары. От двухсот до четырехсот долларов, как правило, выдавалась динарами по тогдашнему курсу 3,5 динара за доллар. Куда их было девать в данной ситуации непонятно, ходить по магазинам у нас не было возможности, а обменные пункты давно уже не работали.

Закупкой продуктов занимался Шадров лично, хотя из всех продуктов он закупал только хлеб, но и, то через раз, поскольку с хлебом в магазинах уже была напряженка, а остальных продуктов на той корейской базе было предостаточно для автономного проживания такого коллектива, как наш, на полгода, точно. А деньги на питание Шадрову выделялись без учета тех продуктов, которые случайно были обнаружены на базе. Вот и представьте себе расчет на тридцать человек для трех разового питания. Какую сумму Александр Федорович положил себе в карман, никто не знает, разве что догадывается. Наверное, отсюда и динары в наших конвертах с зарплатой. Тех, кто по нашим сведениям получал по шесть тысяч, мы называли – шеститысячниками. И вот эти «доверенные лица», почему то всплыли еще в одном, очень нехорошем деле. Но об этом в нашем дальнейшем повествовании...

А между тем в нашем полку прибыло. Ровно через месяц к нам прибыло пополнение. Это еще восемь, таких же счастливиц, как и мы. Три белоруса и пять украинцев прошли тот же путь, что и мы. Неделя отдыха в таком же отеле Туниса, ночной марш от границы до нашей базы. Все трое белорусов были минчане, украинцы были из Херсона и Одессы. Среди нашей уже увеличившейся группы больше всего было одесситов. На тот момент времени, вместе с Максимом Шадровым и его сестрой, представителей столицы юмора было четырнадцать человек. Трое севастопольцев, один крымчанин, двое из Харькова, один из киевской области, один из Полтавы, хотя имеет гражданство Белоруссии, четверо с Херсона, один из Мариуполя. Итого, не считая Стаса Селиванова, который убыл сразу через неделю после нашего прибытия и убытия Даши, нас было к моменту прибытия второй группы – тридцать человек. Двое россиян, четыре белоруса и двадцать четыре украинца. Через три недели, примерно за неделю до окончания наших работ, к нам приехал еще один одессит, который сопровождал еще одну даму, тоже, как оказалось одесситку. Ольга, как звали эту особу, была гражданской женой Максима Шадрова и была после убытия Даши единственной женщиной в нашем мужском коллективе. Вся семейка занимала неведомые нам штатные должности, получала, естественно зарплату, думаю не меньше нашей и, наверное, выполняла какие-то работы. Ольга начала работать поваром, наше питание стало несколько лучше, хотя, работая на местах вне базы, и питаясь не всегда вовремя, мы этого не сильно замечали. Макса мы практически не видели, говорят, он все это время занимался по своему плану, то есть болтался по базе, обшаривал склады и помещения. Дима, молодой парень неполных тридцати лет, работал в Одессе таксистом, до этого, вроде бы служба в армии, был охранником толи в тюрьме, то ли на зоне. В нашу группу он влился сразу, работа водителем пришлась кстати. Так наша группа окончательно сформирова-

лась. Нас стало тридцать два человека вместе с дамой, из них украинцев стало уже двадцать шесть человек.

Работы по ремонту и настройке техники ПВО ливийской армии продолжались в разных местах. За три недели до конца августа технические позиции «Волга» и «Печора» перестали существовать. Сначала ракетному удару подверглась позиция «Печоры». Удары были нанесены ночью под утро, Прибыв на место работы, как обычно, еще на подъезде увидели клубы черного дыма и немногочисленную толпу зевак. Войдя на территорию базы, мы убедились в полном уничтожении базы, как таковой. Такое зрелище приходилось видеть впервые. Повсюду обгорелые остовы автомобилей, у которых от высокой температуры расплавились стекла, были видны его застывшие потеки. Останки ракет были разбросаны повсюду. Ракеты, которые находились в контейнерах, взорвались прямо внутри них. Не успевшие сгореть куски пороха валялись по всей территории. В тот ангар, где мы еще вчера отдыхали и готовили пищу, где еще оставались наши чашки и тарелки, прямым попаданием влетела ракета и разнесла всё помещение. Ангар был расположен в углублении, и крыша его была на одном уровне с землей, к воротам был широкий бетонный спуск. Перед входом в ангар, под маскировочной сетью стояла станция проверки ракет. Рядом со станцией стояла подсоединенная к ней боевая ракета. И что удивительно, ракета, которая влетела в ангар, абсолютно не задела ни станцию, ни ракету к нему подсоединенную. Вокруг все горело и дымилось, а станция стояла целехонькая. Зато все остальное на этой позиции было уничтожено. Наша с Михалычем работа на данной позиции была уже завершена, мы проверили и подготовили четыре ракеты, которые были вывезены с позиции за неделю до ракетного удара. Обозревая останки технической позиции, мы встретили генерала Насера. Он не был особо расстроен этим событием, видно все это ему порядком надоело, и он думал о том, куда ему бежать, если придут войска оппозиции. К слову сказать, что ливийский народ в то время был настроен очень даже к нам благожелательно и патриотично. Когда утром, по дороге на объект, бывало, заезжали в какой-нибудь придорожный магазинчик, прикупить что-нибудь к обеду, всегда нас встречали бурными восклицаниями: « Либия, Муаммар, Руссия» или «Либия, Фридом, Муаммар», что означало «Ливия, Муаммар, Россия, Свобода». Это нас тогда, конечно вдохновляло. На нас надеялись, нам верили.

Через неделю участь «Печоры» постигла «Волгу». Сценарий похожий, так же ночью под утро, так же всю технику в клочья. Нашей станции проверки ракет на «Волге» не повезло, так как на «Печоре». Она, бедная, сгорела полностью. Сгорела и химическая лаборатория, одноэтажное строение, в которой было три комнаты, где в свое время проводились анализы ракетного топлива, а уже в наше время она служила нам комнатой отдыха, кухней и столовой.

Позицию разгромили ракетными ударами авиации или беспилотников, причем намного сильнее, чем позицию «Печоры». Если на «Печоре», остались лишь остовы техники, и чудом нетронутая наша станция, то на «Волге» не осталось ничего, кроме осколков и искореженного железа. От этого жестокого удара пострадали и жилые дома, которые находились за забором этой воинской части. Удар, видимо, был такой силы, что взрывной волной и осколками разрывавшихся боевых частей и пороховых двигателей ракет, хранящихся на позиции, было разрушено несколько жилых домов. Как потом выяснилось, там погибли мирные граждане. Причем погибшие оказались родственниками одного ливийского офицера, перешедшего на сторону повстанцев и в свое время, хорошо знавшего Александра Шадрова. Этот офицер поклялся отомстить Шадрову и всем нам за гибель своих родственников, хотя он почему-то хотел отомстить нам, а не тем, кто на самом деле, бомбил эти дома.

Ливийцы и раньше и сейчас недолюбливали Шадрова. В свое время он достаточно их кидал и обманывал, и приобрел для себя множество недоброжелателей. Даже в это время, пока мы работали, он позволял себе всевозможные оскорбления в адрес тех арабов, кто нас возил по местам работ и помогал нам. Часто утром, когда мы собирались на место отправки на работы, Шадров пытаясь организовать наш выезд и в случае каких-то затруднений и про-

блем, позволял себе кричать на них, прилюдно называл их уродами и тому подобное. Не думаю, что он не знал, что кто-то из них понимает русский язык. Видно ему даны были большие полномочия, поэтому он и позволял себе подобное, не только с арабами, но и с некоторыми нашими товарищами, большей частью, конечно за глаза. Но время шло, и события приближались к развязке.

После уничтожения позиций «Печора» и «Волга» нас с Михалычем, Василием, отца и сына Чегиревых раскидали по другим местам работ, но ненадолго. Через неделю мы снова встретились уже в другом месте. В эту неделю мне пришлось немного поработать на площадке по ремонту антенного поста комплекса С-75. Об этой площадке я уже рассказывал ранее, но только о том, как эту площадку разворачивали с использованием больших морских контейнеров. Мне немного, но пришлось поработать по ремонту аппаратуры кабин управления, наведения и антенного поста. Работал я там еще с одним одесским товарищем Толиком Рубаном. Технически грамотный, умный и скромный мужик. Перед нами стояла задача, заставить антенную систему правильно вращаться вверх-вниз, вправо-влево. С этой работой мы промучились целую неделю, что-то сделали, что-то нет, после чего меня снова перебросили на другой участок. На этом участке мы снова оказались вместе с Михалычем и теми же ребятами. Место это было расположено за двадцать километров от жилой базы и представляло собой строительную площадку. На этой площадке был большой ангар, в котором до нашего прибытия уже стояла станция проверки ракет (КИПС) комплекса С-75, большое количество пороховых двигателей к ракетам, боевых частей к ним, комплектующих к ракетам, ну и самих ракет. И что самое интересное, ангар был разделен на две части кирпичной перегородкой. За перегородкой, во второй половине ангара стояли два автозаправщика ракетным топливом и несколько двухсотлитровых бочек с компонентами ракетного топлива. Для тех, кто не в курсе: топливо для ракет, комплекса С-75 состоит из двух компонентов. Первый компонент это непосредственно ракетное топливо, или горючее. Маркировка ТГ-02 «Самин». Крайне ядовитое вещество, тяжелее воды, при попадании внутрь человеческого организма, вызывает рак крови. Уничтожается такое топливо только сжиганием, разбавив его большим количеством керосина. Работать с этим топливом допускается строго только в специальных средствах защиты, таких как прорезиненный костюм и противогаз. Второй компонент ракетного топлива – окислитель. Маркировка АК-27П «Меланж». Это почти концентрированная азотная кислота, с некоторыми добавками, частично снижающей агрессивность кислоты. Попадая на открытые участки тела, вызывает немедленный ожог. Не спасает даже плотная одежда. Кроме того, окислитель постоянно парит. Достаточно одного вдоха этих паров и, ожог всех дыхательных путей обеспечен, с вытекающими из этого последствиями. Единственными средствами защиты являются специальный прорезиненный комбинезон и специальный противогаз. Средства защиты от горючего и окислителя отличаются друг от друга, выполнены из разных материалов, не взаимозаменяемы. Не допускается даже хранение их в непосредственной близости друг от друга, а должно храниться в отдельных комнатах специального помещения. Такие меры безопасности предусмотрены потому, что при соединении компонентов ракетного топлива друг с другом, даже в малых дозах, вызывает мгновенный взрыв большой силы. Такой экскурс в теорию я даю потому, что хочу обратить внимание на то, какую опасность для нас, работающих с ракетами на жидком топливе, представляли работы, которые мы должны были выполнять по приказам Шадрова.

Итак, за кирпичной перегородкой, в которой кто-то пробил большую дыру, для перемещения из одной половины ангара в другой, находились два автозаправщика, один для заправки горючим, другой для заправки окислителем. Располагались они почти рядом, в пяти метрах друг от друга. Там же рядом с заправщиками, находились и бочки с компонентами топлива. В этой половине ангара стоял специфический запах. Если «горючка» просто пахла, то окислитель сильно парил из-под пробок бочек. По инструкции, все компоненты ракетного топлива

должны храниться в специальных емкостях, один из нержавеющей стали, другой из алюминия, на открытых площадках, на определенном удалении друг от друга. На каждой такой емкости устанавливался специальный клапан, для стравливания избыточного давления. Напомню, что был август месяц, Африка, температура воздуха вне ангара не менее чем в сорок градусов. В металлическом ангаре, температура не ниже. Кондиционеров, естественно нет. Единственное спасение большие ворота, которые мы открывали для хоть какого-нибудь движения воздуха.

Таким образом, мы по сути дела были смертниками, вероятность взлететь на воздух была достаточно высока. Клапаны избыточного давления на бочках отсутствовали. До сих пор не пойму, почему мы не отказались даже заходить в это помещение, а не то что работать в нем. К счастью до заправки дело не дошло, а вот проверять и собирать ракеты все-таки пришлось, но, правда, недолго, всего неделю. Кстати взлететь на воздух мы могли не только из-за ракетного топлива, но и от воспламенения пороховых ракетных двигателей (ПРД), каждый из которых был весом в восемьсот кг каждый. Таких пороховых двигателей, или стартовых ускорителей для ракеты было в ангаре штук двадцать. Размещались они в деревянной круглой таре и были уложены в штабель. Примерно столько же было и боевых частей к ракетам. Они также были в деревянной таре, в другом штабеле. Каждая такая БЧ весила не менее сотни килограммов. В нашем распоряжении был автопогрузчик, с помощью которого мы перемещали все эти ПРД и БЧ.

Нашей задачей было проверить первую ступень ракеты на исправность электрооборудования, затем присоединить к ней крылья, вставить внутрь боевую часть и присоединить пороховой ракетный двигатель. Далее предстояло заправить полностью снаряженную ракету компонентами ракетного топлива, перегрузить на транспортную заряжающую машину (ТЗМ). Затем должен был прибыть тягач и отвезти ракету на стартовую позицию. К счастью до этого не дошло. В любом случае, боевая работа зенитного ракетного комплекса С-75 была неосуществима изначально. Во-первых, не было боевого расчета, способного осуществить обнаружение, захват, автосопровождение воздушной цели и пуск ракеты. Перевезти, развернуть комплекс, еще как то можно было осуществить, но вести боевую работу было не кому. Единственным специалистом по С-75 был Александр Цыба из Мариуполя. В состав комплекса входит три кабины, и не может один человек, будь он семь пядей во лбу управлять этой машиной. Чтобы представить себе ситуацию вспомните старый советский фильм «Ключи от неба». Там, как раз и показана боевая работа зенитного ракетного комплекса С-75. Вспомните, сколько человек было в расчете, и какая не простая это работа по обнаружению, сопровождению воздушной цели и пуску боевой ракеты. Так что вся наша возня с риском для жизни была нужна Шадрову для того чтобы пустить пыль в глаза доверчивым и малограмотным, в техническом плане, арабам. Главное для него было создать кипучую деятельность и правдоподобность большого объема работ, чтобы выудить с них больше денег.

После ненужных, как оказалось, наших работ на этой площадке, нас, не с того, не с сего, сняли и перебросили на другой участок. Верней сказать не на новый участок, а на тот же, на котором мне уже приходилось работать, но в другом помещении. Как я уже упоминал, на этой позиции было три рабочих места. На открытом месте под маскировочной сетью, окруженном морскими контейнерами, где ремонтировалась локаторная часть комплекса С-75. Кроме этой площадки было еще два вместительных ангара. В одном из них располагалось рабочее место по ремонту и вводу в строй антенного поста комплекса С-125 «Печора», а также двух гусеничных машин зенитного ракетного комплекса «Квадрат». Одна из машин была станцией обнаружения и наведения, а другая была пусковой установкой для трех ракет. Машины были не на ходу, аппаратура тоже была неисправной, что требовало немалых усилий для восстановления. В том же ангаре находились также и пара пусковых установок для стыковки с локатором. Трудились на локаторе трое наших товарищей, двое херсонцев, один севастопольский.

Юрий и два Сергея. С пусковыми установками трудились еще два-три человека. На «Квадратах» трудились белорусы и еще пара украинцев. Там же находилась и дизельная электростанция на сто киловатт. Ее заправлял и обеспечивал электропитанием крымчанин Юра. В другом ангаре находились еще две машины ЗРК «Квадрат», станция проверки бортового оборудования ракет того же комплекса и около десятка ракет в контейнерах, с комплектующими частями к ним. Это еще один, уже третий в моей практике КИПС, который мне предстояло одновременно освоить и эксплуатировать. Снова мы с Михалычем и компанией приняли участие в проверках зенитных ракет. С нами вместе работал также и один ливиец, не помню его имени. Но его, оказывается, знал Михалыч, с ним он сталкивался тоже в своей практике на территории Ливии в прошлом своем посещении. Он тоже, в отличие от многих других ливийских военных, знал свою материальную часть неплохо и во многом нам помогал. Наша задача заключалась в подготовке, как минимум четырех ракет, по две на каждый из двух комплексов «Квадрат». Станция, на удивление оказалась исправной, и мы начали работу по проверке бортового оборудования ракет. Основой радиоэлектронного оборудования ракеты зенитного ракетного комплекса «Квадрат», является головка самонаведения. Ракета наводилась на цель по лучу, отраженному от воздушной цели. Сам комплекс и ракеты к нему поставлялись в Ливию еще в середине восьмидесятых годов, во времена Советского Союза. С виду новые и красивые ракеты были, как выяснилось, никуда не годными. Из десяти проверенных нами, только одна была технически исправной и относительно готовой к стрельбе. Ее оставалось еще заправить сжатым воздухом. Чтобы подготовить эту ракету нам пришлось затратить по времени целый день, перелопатить целую кучу других ракет, снимать, устанавливать и снова снимать, и снова ставить головки самонаведения, которых было около двадцати штук в запасе. Время поджимало, фронт приближался, и эту несчастную ракету срочно требовали зарядить на пусковую установку. Но не тут-то было. Чтобы ракету «выдать на-гора» ее осталось заправить сжатым воздухом. Но в последний момент это стало невозможным. Почему то пропал заправочный пистолет, с помощью которого необходимо было заправить ракету. Также араб, что нам помогал, тоже бесследно пропал. Таким образом, стрельба комплексом «Квадрат» отпадала, оставался лишь С-125, на него и делал последнюю ставку Шадров, Кирилл и начальники арабы. Работа на нем продолжалась круглосуточно не только без выходных, но и практически почти без сна и отдыха. За два дня до этого произошло одно событие, о котором вспомнили лишь после того как произошло еще одно печальное для нас событие. Выходя как то из ангара, я обратил внимание на несколько стреляных пистолетных гильз. Спрашивая ребят, узнал, что между Шадровым и его главным шефом Абдусалямом был разговор на повышенных тонах, с криками и визгами последних, метанием стульев и стрельбой из пистолета толи вверх, толи в землю. Речь шла о том, что Абдусалям предупреждал Шадрова о том, что фронт приближается и через три дня будет здесь. Он требовал немедленно сворачивать все работы и уезжать из страны. Шадров был категорически против этого, и настаивал на стрельбе комплексом по любой воздушной цели, что появиться в зоне видимости. Как-то за пару недель до этого дня он зачитал нам прејскурант на воздушные цели, которые мы должны были сбивать. Этот прејскурант, был якобы утвержден чуть ли не самим Кадафи. За сбитый беспилотник, полагалось полмиллиона долларов. За сбитый истребитель полагался миллион, за транспортный самолет, толи два, толи три миллиона долларов. Конечно, эти расценки вызывали у нас лишь улыбку, никто не верил в то, что вообще дело дойдет до пуска ракет. Верил ли в эту авантюру сам Шадров, не знаю, возможно, он так вжил в свою роль, что и вправду рассчитывал, что ни будь сбить. Своими мыслями он с нами не делился.

Тот день, когда мы мучились со злополучными ракетами «Квадрата» между тем подходил к концу. Было около двенадцати ночи, когда у нас уже не осталось ни одной ракеты для проверки и, по сути дела нам больше делать было уже нечего. Тем не менее, в двух других ангарах работы продолжались в ускоренном режиме. Что-то не совсем ладилось с локатором ком-

плекса С-125, Бычков с Морозом то и дело бегали с блоками аппаратуры, меняли их на запасные, что-то паяли, меняли, короче пытались как можно быстрее закончить ремонт антенного поста. Время поджимало, фронт приближался к Триполи, а еще предстояло перевезти технику на место ее работы, развернуть, подключить к электропитанию, настроить и попытаться выполнить задачу. Локатор станции наведения и сопровождения, который должен был сопровождать самолет или беспилотник коалиции имеет очень узкий луч, не больше двух-четырех градусов, поэтому обнаружить ему самостоятельно воздушную цель не представлялось возможным. Локатору необходимо постоянно иметь координаты воздушной цели. Эти координаты ему обычно предоставляют другие станции, станции разведки и целеуказания, которые просматривают воздушное пространство в широком диапазоне воздушного пространства и имеют широкий луч. Без таких станций комплекс С-125 работать не может. Такие станции у нас тоже были, их также свозили, откуда, только могли, ремонтировали и готовили к боевому применению. С ними работали тоже наши товарищи, профессионалы своего дела, прошедшие армейскую школу и хорошо знавшие этот вид техники. Они все это время параллельно с нами работали в других местах и делали свое дело, испытывая те же проблемы, что и все остальные. Не было у них ни выходных, ни проходных, обед тоже не всегда привозили, забирали в конце рабочего дня тоже не всегда вовремя. В одной из этих бригад мне пришлось поработать в последнюю ночь, перед финалом нашей деятельности. А финал этот был для меня финалом моей военной карьеры, своего рода итогом всего, к чему готовился всю свою службу в войсках ПВО, к чему меня готовили в военном училище. Это противоздушный бой, не учебный, ни командно-штабной, а самый, что ни на есть настоящий. Не всем ПВО-шникам повезло участвовать в таком бою. Те офицеры, которым довелось участвовать в боевых действиях во Вьетнаме и на Ближнем Востоке, Корее, Сирии, в той же Ливии при налете американцев на Бенгази и Триполи в 1986 году, наверное, испытывали те же чувства, что и мы в тот момент. Были у нас, конечно и свои многочисленные полигоны, которые требовали ответственности и самоотдачи, но там не было угрозы собственной жизни. Там были мишени, которые всегда успешно сбивались, и при невыполнении задачи нам грозило лишь возможное взыскание или понижение по службе. Работа в расчете станции радиотехнической разведки была для меня и дебютом и финалом одновременно. Конечно, я изучал работу таких станций по общему курсу в военном училище, знал их названия и технические характеристики, был знаком со многими специалистами по этому профилю, даже иногда помогал в настройке и ремонте некоторых из них за время службы в армии и после нее. Но конкретным специалистом по этой технике я не был.

И вот в последнюю ночь, когда мы с Михалычем уже закончили свою деятельность с ракетами «Квадрата» нам поступила команда садиться в автомобили и убывать на место нашего проживания. Прибыв к месту посадки, Михалыча и других нескольких ребят посадили в одну машину, меня в другую. Первая машина тут же убыла, а я оставался сидеть в другой. Ждать пришлось довольно долго, часа полтора два, был уже первый час ночи. Наконец, прибыл Шадров, и мы поехали. Куда мы ехали, понять было невозможно, во-первых, темно, во-вторых, не знал местности. До последнего момента думал, что еду в жилой комплекс. Однако это было, не так. Подъехали, к каким-то воротам, вокруг был бетонный забор, пара металлических ангаров, какие-то строения, за забором жилые дома и автомобильная дорога. Остановились у ангара, в свете фар появились знакомые лица наших РТВ-шников. РТВ – радиотехнические войска. Эти войска занимаются как раз радиотехнической разведкой, обслуживанием аэродромов, следят за воздушным пространством, сопровождают воздушные суда гражданской авиации и многие другие. РТВ-шников у нас было пять человек. Все это время они готовили несколько станций. Это П-18, и П-19.

В ту ночь на той позиции было только трое ребят. Меня к ним Шадров привез в качестве, как он выразился, дополнительного штыка. Вместо жилого комплекса я оказался на передовых рубежах. Шадров тут же уехал, но обещал еще вернуться. К моменту моего прибытия

ребята уже начали вытягивать машины с антеннами из ангаров и перемещать на место их установки. Работать начали только с наступлением темноты, вероятность быть обнаруженными в светлое время была очень высокой, в небе постоянно гудело, все чаще слышались отдаленные разрывы боеприпасов. С востока у линии горизонта уже можно было наблюдать красное зарево, похожее на закат солнца, хотя уже была середина ночи. Я, конечно же, сразу включился в работу. Из двух рабочих автомобилей с аппаратурой на ходу была только одна. Пришлось одну машину использовать в качестве буксира. К счастью ночь была лунной, вроде даже было полнолуние. Тем не менее, помучится, пришлось. Кое-как оттащили машины на нужное место. Одна машина представляла собой установку с мачтой для антенны. На эту мачту нам предстояло смонтировать большого размера антенну. В фургоне второй машины была непосредственно радиоэлектронная аппаратура станции П-18. Монтаж антенны, ее подключение к аппаратной машине заняло большую часть времени, начало уже светать. Скоро могли появиться нежеланные гости в виде вражеских летательных аппаратов, а нам еще предстояло включиться, провести контроль функционирования, настроить индикаторы и другие операции. Обе машины установили рядом, накинули на них маскировочную сеть, хоть как то прикрылись от спутников и самолетов разведчиков. Включать станцию на излучение мы пока опасались, кроме визуальной разведки активно использовалась и радиотехническая разведка. В случае обнаружения нашей станции, по нам тут же могли пустить ракету и уничтожить. Чтобы успеть вовремя приходилось бегать бегом. Хоть и была ночь, и не было так жарко, как днем, но все-же, было тридцать градусов, полное безветрие, духота страшная, пот течет градом, элементы антенны состояли из тяжелых труб и балок, которые одному не поднять. Все мы физически очень устали, а основная работа была впереди. Я восхищаюсь профессионализмом этих ребят, Володи Тычины, Володи Братченко и Вани Лайбу. Они придумали и осуществили очень интересную задумку, которая по сути дела спасла нам жизнь. Они сняли аналогичный блок с индикатором с другой станции, поместили его в небольшом заброшенном фургончике за триста метров от основной станции. До моего прибытия уже был проложен длинный кабель, к которому ночью мы и подключили станцию. Таким образом, у нас получился, как бы удаленный пункт наблюдения за основным индикатором кругового обзора. Там нам и предстояло наблюдать за воздушным пространством, засекаать координаты воздушных целей и передавать их на стрельбовый канал С-125, который к тому времени должны были уже передислоцировать в определенное место остальные наши товарищи.

У нас был мобильный телефон и портативная радиостанция, с помощью которой нам предстояло общаться со стрельбовым каналом по передачи им координат, обнаруженных нами воздушных целей и по другим вопросам.

Где то ближе к утру нас посетили Шадров с Кириллом. Они привезли нам ящик питьевой воды и тут же укатили. Наверняка они тоже видели приближающее с востока зарево. От них я узнал еще одну новость. Оказывается, всем кто принимает участие в боевой работе, они выделили дополнительное вознаграждение. Две тысячи долларов за развертывание материальной части на боевых позициях, и пять за работу по обнаружению, сопровождению воздушных целей противника. Ну а за сбитого супостата, там уже речь шла о миллионах.

К сожалению, попить водички нам особо не пришлось. Вся вода ушла в радиатор дизель электростанции. Дело в том, что питание станции П-18 осуществлялось по сети 220 вольт. Небольшой фургон, в котором размещался небольшой дизель, был нами спрятан в кустах в ста метрах от станции. Подготовлен он был ребятами заранее, заправлен топливом, проверен и, работал нормально. После развертывания станции и выдачи на нее электропитания с дизеля все заработало штатно, но через час работы в самый неподходящий момент настройки, дизель вдруг задымил черным дымом. Я с товарищем рванул туда. И вовремя, вода в системе охлаждения дизеля начинала закипать, температура воды под сто градусов, еще чуть и его заклинит. А заглушить дизель, значит снять питание со станции, а времени в обрез. Пришлось рис-

ковать. Осторожно, чтобы не обжечься сбили пробку с радиатора, оттуда сразу же повалил пар. Мы, конечно, позаботились и создали запас воды. Запас был невелик. Всего лишь две шестилитровые емкости для воды. Залили один бутыль в радиатор, температура спала, Ванька ушел на станцию участвовать в дальнейшей настройке, а я остался внутри следить за приборами. Через полчаса, температура опять стала подниматься, ушла вторая бутыль с водой, больше воды нет, если опять будет греться, то дизель встанет, а значит, вся наша работа уйдет насмарку. Сижу, жду, думаю, в чем же причина. Рядом с ревущим дизелем уже ничего не слышу, а температура воды начинает опять расти. Пришлось сбегать за упаковкой с питьевой водой. В упаковки восемь полулторалитровых пластиковых бутылок с питьевой водой. Итого двенадцать литров воды. Решили использовать ее, в крайнем случае. А случай этот настал достаточно быстро. Начали снова доливать воду, и одновременно сжимать резиновые трубки системы охлаждения. В один из таких сжатий что-то булькнуло, часть воды из радиатора ушла в систему охлаждения двигателя, доливаем в радиатор воду, температура начинает падать достаточно быстро. Похоже, проблема с перегревом дизеля была устранена, и мы сосредоточились на основной задаче. Уже занималась заря, немного посвежело, станция была проверена, настроена, можно было уходить в укрытие на наш самодельный командный пункт. Сделав последние приготовления и настройки на станции, включив антенну на излучение, проверив еще раз дизель, мы быстро покинули станцию, и ушли на удаленную небольшую площадку под развесистой кроной эвкалипта, где у нас был спрятан небольшой фургончик с выносным индикатором кругового обзора. Станция работала, индикатор показывал воздушную обстановку вокруг нас в радиусе до трехсот километров. Для полноценного определения координат целей, находящихся в воздухе, был необходим радиовысотомер ПРВ-13, которого у нас не было. На станции П-18, мы не могли точно определять высоту полета воздушной цели, чтобы ее передавать на стрельбовый канал, зато азимут и дальность определялась точно, и мы сразу увидели ИХ. Они были хорошо видны на экране индикатора, шли группой три-четыре самолета, по азимуту прямо на нас на дальности двести километров. По радиации начали передавать координаты, однако нас не слышали там, где должны были слышать на приемно-передающем локаторе комплекса С-125 «Печора». По нашим координатам они должны были развернуть свой локатор, или антенный пост в возможную сторону прилета авиации противника, включить поиск и обнаружить те же самолеты, которые наблюдали мы на станции П-18. Конечно, такое целеуказание было пародией на настоящее, но, тем не менее, хоть и грубо, но позволяло с низкой вероятностью, всё-таки обнаружить летящие самолеты коалиции. После многочисленных запросов, нам все же ответили. Ответил нам Шадров, он же передавал переданные нами координаты на антенный пост «Печоры». Пока шла передача сигнала, от нас до Шадрова, от него до локатора проходило много времени, самолеты успевали пролетать десятки километров, и то, что передавал Шадров, было уже устаревшим. Кое-как удалось связаться напрямую с расчетом локатора. Координаты мы передавали им голосом постоянно, сменяя друг друга, до хрипоты в голосе. Нам в ответ: «Мы не видим, мы не видим». За каких-то пять минут, на экране индикатора мы видим, как самолеты подлетают к рубежу в сто километров и, развернувшись, уходят назад. Мы не расслабляемся и наблюдаем за ними. Долетев за двести километров, снова разворачиваются и, не меняя направления, идут на нас. Снова голосом передаем координаты, и снова: «Мы не видим». Все повторяется. Снова подлетают до рубежа в сто км, и снова назад. Так повторяется до десяти раз. И снова наш стрельбовый канал не может обнаружить те самолеты, координаты которых мы им передаем. То ли наше целеуказание было слишком уж грубым, с приблизительной высотой, то ли наши товарищи вообще не включались и не выходили в эфир. Я лично таких тонкостей заметить не мог, но мои напарники, имея громадный опыт работы такого плана, заподозрили что-то не то. Как мне они потом объяснили, при включении другого источника излучения недалеко от нашей станции, на экране нашего индикатора должно было появиться что-то вроде небольшого снежка. Их опытный глаз, сразу

такого не обнаружил, это вспомнили лишь потом, когда всё закончилось, и было достаточно времени для анализа. А тогда мы все были в большом напряжении, могло случиться все что угодно. И это что угодно случилось... Во время последнего для нас захода авиации, снова все развернулись и ушли, но на их месте появилась новая точка, по размерам чуть меньше самолета. Эта небольшая отметка двигалась на индикаторе строго в нашу сторону, не меняя направления и как то очень прямолинейно. Продолжаем наблюдать и передавать координаты, нас снова не видят. Расстояние стремительно сокращается. Мы уже понимаем, что по нам пущена ракета, докладываем о ней дальше по команде и принимаем решение срочно покинуть место работы. Меня не покидает чувство и страха и любопытства одновременно. Такое ощущение, что смотришь на себя со стороны, как кино. Последний раз смотрим на индикатор, «топор» летит, дальность 1 км. Покидаем место наблюдения, бежим к оставленной для нас машине. Джип срывается с места, отъезжаем метров двести и слышим глухой взрыв. Любопытство берет верх над страхом, разворачиваемся, едем обратно. Перед воротами тормозим. Самый любопытный из нас Иван, бежит на место нашей работы. Остальные трое сидим в машине, ждем. Минут через десять возвращается Иван и рассказывает результаты своего визита. Крылатая ракета точно угодила в нашу антенну и вывела ее из строя. Осколками пробита, рядом стоящая аппаратная машина с основной аппаратурой. Если бы мы во время боевой работы сидели в этой кабине, то наверняка, не остались бы в живых. Кроме того был поражен ракетой и дизель, видно звук второй ракеты мы просто не услышали. Оттуда шел густой черный дым, и шума работающего двигателя уже не было слышно. Снова покидаем свою позицию, на этот раз уже окончательно и едем в жилую зону. За последние двое суток, никто из нас, сидящих в машине, не сомкнул глаз, но возбуждение было таким, что спать никому не хотелось. Наверное, так бывает на войне, когда воины не спят сутками. Наверное, такое же состояние испытывали и мы. Едем, на одном из перекрестков встречаем другую машину, как оказалось в ней уносили ноги те наши товарищи, которые работали на «Печоре». Вместе едем дальше, по дорогам там и тут стоят блок посты с вооруженными людьми, нас останавливают, но увидев, кто сидит в машине, сразу отпускают, желают удачи. По всему видно фронт совсем рядом. На бетонных заборах надписи на арабском языке. Написано видно было то, что нам не хотели говорить, но водитель-араб очень сильно ругаясь на своем языке, лишь прибавлял скорость и несся во весь опор.

Через полчаса прибыли мы, почему то не в жилую зону, а в тот самый госпиталь, где когда-то квартировали по прибытию в Ливию. По времени это было часов восемь-девять утра, в госпитале, кроме нас прибывших, Шадрова, Мухаммеда Рахиса, больше никого не было. Напряжение немного спало, мы добрались до первых попавших кроватей и попытались заставить себя немного отдохнуть. Тот, у кого нервы крепче, завалились спать, я и еще кто-то, походив еще немного по госпиталю, вышел на воздух из дверей первого этажа. Там на небольшой площадке у крыльца восседал Шадров с Рахисом, и обсуждали какие-то детали событий последних дней. Мухаммед Рахис, или как мы его звали Архаис, прекрасно говорил по-русски, когда-то он несколько лет учился в Советском Союзе, занимал высокие должности в армии Ливии, долгое время общался с нашей страной по военным вопросам. Глядя на них, можно было сделать вывод, что ничего серьезного не происходит, беспокоиться особо не о чем. Это немного успокаивало, ведь нам наобещали, что в любом случае, нас не бросят, что все договорено, нас ждет украинское и российское посольства, готовые нас в любое время взять под свое крыло, укрыть, если что и отправить на родину. Кирилл обещал нам посольские дачи, где нас ждет полная безопасность и комфорт. Мы, как идиоты, верили в эти сказки, и продолжали надеяться на своих начальников. А у начальников, как оказалось потом, были на это свои планы.

Часа через полтора-два прибыли за нами другие машины, и мы отправились туда, где проживали, где хранились наши вещи.

Прибыв в нашу жилую зону, убедились что все кроме наших, восьми человек, расчетов «Печоры» и П-18, все давно уже были там, пообедали, сидели в курилке перед входом и дымили сигаретами. Сидели беспечно, болтали о том, что мало еще заработали и скоро, наверное, придется уезжать, у одного из товарищей, сварщика и повара Олега Герасимова из Одессы был день рождения, вездесущие любители пропустить по маленькой, раздобыли где-то канистру спирта и отмечали день рождения. Мы, четверо, на обед опоздали, отдельно, быстренько пообедав, вернулись к себе в комнаты. Я собрал вещи в рюкзачок, и приготовился к скорой эвакуации. Интуиция подсказывала, что вот-вот наступит развязка. Вышел на площадку перед нашими домиками посмотреть обстановку. Что бросилось в глаза, это то, что почти не осталось охраны в жилой зоне, уже не было такого количества автомобилей на площадке, как раньше, да и то две из них "Фольксваген" крымчанина Юрки, да "Хонда" Сашки из Мариуполя. Это несколько настораживало. У входа в жилой комплекс стоял джип Шадрова, навьюченный под завязку вещами. Самого хозяина и его семейства, не наблюдалось. Даша свалила недели три назад, говорят, повезла кругленькую сумму на Родину. Остальное семейство было в наличии. Сам, глава семейства, его сын Максим и невестка Ольга. Вернувшись к остальным нашим, присел на лавочку и принял участие в посиделках. Где то слышались отдаленные автоматные и пулеметные очереди, где то далеко, что-то ухало. Конечно, народ замечал это, но реагировал, как-то вяло. Часам к пяти вечера над нашими крышами начали свистеть пули. Только тут народ опомнился, заметался и бросился искать шефа. Но он не отзывался, ни на зов, ни на яростный стук в дверь его номера. Мужики бросились забирать свои вещи из номеров и выбегать на площадку перед домом. Вещей почему-то оказалось у многих больше, чем привезли с собой. Халява, она и на войне халява. С собой тащили все, что было под рукой в этом корейском жилом городке. Вещи, это само собой, благо их там было в изобилии. Видимо корейцы покидали свой городок в большой спешке, и оставили много чего, мимо чего наши пройти просто не могли. От нижнего белья до кожаных пиджаков и плащей, спортивной и обычной обуви, до компьютерных жестких дисков, мониторов, материнских плат, предварительно извлеченных из больших стационарных компьютеров, и много других вещей, которые можно перечислять до бесконечности. И вот со всем этим багажом, с занятыми руками, народ метался туда-сюда, не зная, что делать. А пули между тем свистели уже почти над самыми нашими головами. Начали звонить Шадрову на мобильный телефон, наконец, он отозвался, выскочил из своей комнаты в семейных трусах, с выпученными глазами и хорошо поддавший. Пока до него доходило, в чем дело, он отказывался верить в происходящее, народ кинулся на автомобильную стоянку, где всегда стояла куча автомобилей, которые нас возили на работы и обратно. Но вместо этой кучи на стоянке одиноко стоял небольшой грузовичок с низкими бортами. Мы кинулись к нему. В одно мгновение заполнили кузов, вместе с вещами нас поместилось всего-то человек десять-одиннадцать. В кабину прыгнули два араба, один водитель, другой с ним. Оба молодые ребята, лет по семнадцать-восемнадцать, вроде даже без оружия. Куда сажались, остальные я не видел, не видел я и Шадрова. Мы рванули с места в карьер, выскочили из ворот и помчались по какой-то дороге, навстречу судьбе. Уже во всю, отчетливо, слышны были звуки проходящего, где то рядом, очевидно на параллельной улице, боя. Я сидел в кузове спиной вперед и видел, как за нами ехал Юркин "Фольксваген" и Сашкина "Хонда". В них тоже были пассажиры, человека по три, может по четыре. Так мы мчались минут десять не больше, пока не выскочили на перекресток. В центре перекрестка, а верней развязки кольцевой дороги находился островок, вокруг которого двигались автомобили. К кольцу выходило несколько дорог, и вот когда мы выскочили на кольцо, справа от нас на дороге под небольшим углом к нашей дороге, мы увидели множество красных параллельных друг другу трассирующих линий. Эти следы от трассирующих пуль, шли достаточно плотным потоком, почти на высоте человеческого роста, если бы мы выехали на кольцо для следующего поворота, мы бы, наверняка, угодили бы под этот град пуль разного калибра. Наш водитель араб, видно испугавшись, свернул налево, мимо кольца

на разбитую грунтовую дорогу. Верней даже не на дорогу, а просто перескочил через бордюр и выехал на обычную землю. Подскакивая на ухабах, мы мчались прочь от основных дорог. За нами следовали Хонда и Фольксваген. Удаляясь от перекрестка, я успел заметить как прямо через этот зеленый островок кольцевой дороги, высоко подпрыгивая, и чуть не переворачиваясь, проскочил внедорожник «Хюндай», в которой находилось «святое семейство» Шадровых. За ним, буквально по пятам, тоже на приличной скорости промчался большой грузовик «Ивеко», в котором кто-то тоже вроде находился из наших ребят, и еще какой-то внедорожник, там тоже вроде был наши. Они умчались вправо от нас, а мы продолжали скакать по ухабам до тех пор, пока позволяла местность. Затем машина наша встала, и мы, выгрузившись из кузова, кто бегом, кто не очень, двинулись за арабами, которые вели нас куда-то, а куда ни кто из нас не знал. Слева от нас было Средиземное море, мечта многих отдыхающих в мирное время. Две наши легковушки тоже встали, их пассажиры покинули машины и присоединились к нашей, уже довольно растянувшейся колонне. Мы шли уже по берегу моря, набегающая волна иногда попадает на ноги. Кто был налегке, тот шел быстрее и был впереди, кто-то бросал свои чемоданы прямо в море и подтягивался к основной группе. Несколько человек, кто принимал участие в праздновании дня рождения, и еще не оправился от алкоголя, испытывали еще большие трудности, но все-таки упорно пытались не отстать. А справа от нас, километрах в трех, веером разлетались трассирующие следы автоматных и пулеметных очередей. Часть этих следов уходило и в нашу сторону. Между тем мы продолжали идти и идти, неизвестно куда, растянулись, наверное, на километр, может и больше. Бежали мы достаточно долго, уже смеркалось, справа от нас появился небольшой микрорайон, и там тоже шел бой. С крыш домов нас видимо заметили, и начали в нас стрелять. Справа от нас, бегущих и бросающих чемоданы, метрах в двухстах был довольно длинный бетонный забор, расположенных вдоль нашего маршрута движения. Именно этот забор и прикрывал нас от прямых попаданий пулеметных очередей. Если бы его не было, линия обстрела точно бы ложилась на нас. Все пули, летящие выше забора, свистели над нашими головами. В дальнейшем, нам приходилось бежать, уже согнувшись, спотыкаясь и падая, иногда залегать за камни и, в перерывах стрельбы снова подниматься и двигаться дальше. К счастью уровень местности вдоль нашего маршрута шел под уклон и нас уже не могли видеть и обстреливать, сидящие на крышах боевики. Этот наш безумный бег длился, казалось бесконечно, люди теряли силы, но все-таки продолжали идти за ведущими нас двумя арабами. Наконец, появились силуэты, каких-то строений. Идущий впереди молодой араб, метров за сто до строений, жестом подал нам знак остановиться и пошел разведать, что к чему. Пока он ходил, мы немного пришли в себя, осмотрелись и проанализировали наше положение. Наиболее быстрых и не обремененных вещами нас оказалось человек семь-восемь, остальные потихоньку подтягивались к основной группе. Когда нас уже было человек двенадцать, пришел араб, ходивший на разведку, и предложил нам идти в один из ближайших домов. Активная стрельба уже практически стихла, и мы немного успокоившись, двинулись к этому дому. Минут через пять подошли к довольно большому одноэтажному строению, выполненному скорее в европейском, чем в арабском стиле. Перед домом с колоннами, в ста метрах от моря, был больше похож на шикарную дачу богатого бизнесмена. У дома не было ни ворот, ни забора. Дом окружала ухоженная зеленая лужайка, с системами полива и ухода. Сзади дома, уступом вверх, располагались другие, похожие дома. Как потом оказалось, дом этот принадлежал посольству какой-то арабской страны, очевидно, тут отдыхали члены дипломатического корпуса. Зашли внутрь, дом оказался открытым и абсолютно пустым. В нем было три или четыре комнаты, большой зал, две спальни, кухня и туалет. Осмотревшись, заметили, что наших арабов и след простыл. Посчитались, обсудили, сколько нас было и сколько должно быть, кто кого, когда и где видел. По нашим подсчетам не хватало человек пять. Вышли из дома, начали кричать, у кого был телефон, начали звонить. Наконец, часа через полтора, пришли наши отстающие. Кто это был, я уже точно не помню, помню только,

что там был наш Михалыч. Был он уже без чемодана, говорит, выбросил по дороге. Остальные тоже достаточно хорошо облегчились. Ну, теперь, все бегущие вдоль моря, были в сборе. Все так устали, что сразу же попадали, где только могли. Кому не хватило места на кроватях, креслах и диванах, расположились прямо на паласе, подложив свои пожитки под голову. Я и еще пара человек, расположились во дворе перед входом на траве. Правда ближе к утру, все же пришлось перебраться в дом, земля остыла, и стало уже не так комфортно. У некоторых из нас была, наверное, железобетонная нервная система, и они уже всю храпели и сопели, совершенно не заботясь о дальнейшей своей судьбе. Остальные лежали с открытыми глазами, вполголоса обсуждая между собой текущие события. Конечно, зная местность, где мы находились, имея транспорт, или даже пешком, чисто теоретически можно было бы уйти в посольство, но это в теории, а в реальности, все покорились своей судьбе и надеялись, что все само собой разрешится. Каждый думал о своем и надеялся на лучшее. Ближе к утру, сон все же сморил даже самых стойких товарищей. Однако лишь забрезжил рассвет, многие уже были на ногах, осматривали дом и что в нем находилось. Курильщики потянулись к выходу и, выйдя на крыльцо, с наслаждением курили, обсуждали свое положение. Часам к шести утра почти все были на ногах, и мы обсудили свое положение, что нас ждет и что предстоит делать. В доме были огромные окна, которые мы решили тут же закрыть плотными шторами, широкие входные двери были тоже полностью стеклянными, их тоже закрыли шторами. На крыльцо советовали не выходить и не шуметь, чтобы не привлекать к себе внимание. Мы уже понимали, что происходит, что в Триполи пришли революционеры, и все же надеялись, что были в данный момент не на боевых позициях, а сидели на чемоданах, не имели с собой оружия и элементов военной формы и экипировки. Посоветовавшись, тут же приняли решение уничтожить все фото и видеозаписи с мобильных телефонов, которых к тому времени у многих любопытных накопилось достаточно. Уничтожали также и прихваченные с собой жесткие диски с компьютеров, на которых успели перебросить фото и видео материалы, нашей трудовой деятельности. У некоторых были с собой ноутбуки, их тоже подвергли тщательной проверке на предмет изъятия компрометирующих нас материалов. Кое-кто, и я в том числе, насобирали на память, кучу осколков американских томагавков, которыми с кораблей обстреливали Триполи. На некоторых осколках была отчетливо видна маркировка на английском языке, и уж очень хотелось показать их своим друзьям и знакомым, да и просто оставить на память о былых временах. У "Бычка" был с собой профессиональный фотоаппарат, ноутбук, внешний жесткий диск с большим количеством материалов о нас, а снимал он очень много, взял на себя обязанности фронтового фото оператора, из снятых фотоматериалов, монтировал всевозможные слайд шоу. Это занятие было его увлечением, и он с удовольствием этим занимался. Теперь ему предстояло все свои труды уничтожить. Как он это делал, я не видел, может просто спрятал где-нибудь под диваном. Чтобы спрятать все, что могло нам навредить, использовалось все, что находилось в комнатах, в каминах, в больших кувшинах и вазах. Занимаясь уничтожением компромата, случайно заметили подсумок с рожками от автомата Калашникова, видимо в спешке или специально оставленных теми двумя молодыми арабами, что вели нас на эту дачу. Спрятать ее так, чтобы ее не могли найти, было большой проблемой. Но все-таки нашли выход, залезли на чердак, и через люк в крыше забросили подсумок подальше за трубу камина. Одновременно с этими действиями постоянно пытались дозвониться до любого из посольств, украинского, российского или белорусского. Но никто пока не отвечал. Через щели в шторах обозревали окрестности вокруг дачи. Удалось увидеть немного. Несколько таких же, как и наш, домов, бетонный забор слева в ста метрах от нас и полоска морского берега. За забором был расположен особняк, с развивающимся над ним итальянским флагом. Принадлежал ли этот дом итальянскому посольству, я не знаю, возможно, там кто-то и был, мы не проверяли. На кухне нашли кофе, конфеты, печенье, и кое-как подкрепились.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.